

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра _____ «Гражданское право и процесс» _____

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему Ничтожные сделки в гражданском праве

Обучающийся

А.А. Гладышева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к.ю.н., доцент, И.В. Маштаков

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Ничтожные сделки обусловлены сохраняющимися пробелами и противоречиями в регулировании недействительности сделок, несмотря на реформу гражданского законодательства (Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ). Отсутствие легального определения недействительной сделки, нечеткость критериев ничтожности и рост связанных с ними судебных споров (22% гражданских дел) свидетельствуют о необходимости совершенствования данного института. Особую значимость проблема приобретает в условиях злоупотреблений со стороны недобросовестных участников оборота, использующих процедуру оспаривания сделок для уклонения от обязательств.

Цель исследования заключается в выявление системных проблем правового регулирования ничтожных сделок и разработка предложений по их устранению.

Обозначив цель исследования, мы можем выделить следующие задачи, необходимые для ее достижения: исследовать правовую природу ничтожных сделок через характеристики: абсолютную недействительность, императивность установления ничтожности, необратимость (за исключением конвализации), способность порождать охранительные последствия; систематизировать виды ничтожных сделок: мнимые и притворные (ст. 170 ГК РФ), противоречащие основам правопорядка (ст. 169 ГК РФ), совершенные недееспособными (ст. 171–172 ГК РФ), нарушающие обязательную форму (ст. 63 ГК РФ); выявить проблемы судебной практики: злоупотребление правом на оспаривание, формализм при применении реституции, противоречивость критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, разделённых на параграфы, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Общий объём работы составляет 72 страницы.

Оглавление

В	1	
Р	О	
е	с	
л	и	
д	а	
а	в	
в	е	
н	сделки, совершённые без обязательного нотариального	
т	удостоверения.....	40
р	Глава 3 Проблемы применения норм о ничтожных сделках и пути их	
а	решения.....	47
к	3	
д	с	
а	н	
т	и	
в	и	
ы	т	
н	о	
н	ж	
н	н	
н	в	
н	е	
н	р	
н	и	
н	ё	
н	и	
н	д	
н	и	
н	о	
н	к	

Введение

Современное гражданское законодательство имеет определённые пробелы и противоречия, связанные с регулированием недействительности сделок, что порождает сложности в правоприменительной практике. Несмотря на принятие Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», направленного на совершенствование правового регулирования сделок, количество споров, связанных с их недействительностью, не сократилось.

К числу ключевых проблем относится отсутствие в гражданском законодательстве легального определения понятия «недействительность сделки», а также четкого перечня признаков ничтожных сделок. Правовая природа недействительных сделок остается дискуссионной в доктрине гражданского права. Ряд исследователей, включая В.А. Демедюк, В.О. Тузова, О.В. Гутникова, рассматривают недействительную сделку как противоправное действие, в то время как другие ученые, такие как А.А. Киселев, М.Н. Ильюшина, акцентируют внимание на ее несоответствии требованиям закона, что исключает возникновение желаемых сторонами правовых последствий.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим количеством судебных споров и конфликтов в сфере гражданско-правовых сделок, что связано с недостаточным уровнем юридической грамотности участников гражданского оборота, а также с их невнимательным отношением к условиям действительности сделок. Особую проблему представляет злоупотребление правом со стороны недобросовестных лиц, которые, не имея возможности исполнить принятые обязательства, намеренно инициируют процедуру признания сделки недействительной с целью избежания ответственности. В данном контексте институт ничтожных сделок приобретает особую значимость в системе гражданского права, поскольку его основной функцией

является защита прав и законных интересов добросовестных участников гражданских правоотношений.

Следует подчеркнуть, что правовое регулирование ничтожности сделок не ограничивается положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (параграф 2 главы 9 ГК РФ). Соответствующие нормы содержатся также в Семейном кодексе РФ (статья 44, регламентирующая недействительность брачного договора), Жилищном кодексе РФ (статья 75, посвященная недействительности обмена жилыми помещениями, предоставленными по договорам социального найма), Земельном кодексе РФ (пункт 2 статьи 37, устанавливающий особенности признания недействительными сделок с земельными участками). Кроме того, вопросы недействительности сделок регулируются рядом неcodифицированных нормативных актов, включая Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Указанное нормативное разнообразие позволяет констатировать межотраслевой характер института недействительности сделок в российской правовой системе.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ института ничтожных сделок, включая изучение правовых последствий их недействительности, а также выявление существующих проблем в правовом регулировании и разработка предложений по их устранению.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи исследования:

- раскрытие понятия и выявление ключевых признаков недействительности ничтожной сделки;
- классификация видов и оснований ничтожных сделок;
- анализ основных и дополнительных последствий ничтожной сделки;
- изучение судебной практики с целью выявления проблем применения норм о недействительности ничтожных сделок и разработка рекомендаций по их разрешению.

Объектом исследования выступают гражданско-правовые отношения, возникающие между сторонами в связи с совершением недействительных сделок, квалифицируемых законодателем как ничтожных.

Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства, регулирующие институт недействительности ничтожных сделок.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ведущих учёных в области гражданского права, таких как О.В. Гутников, Б.М. Гонгало, С.В. Герасимовский, Е.Н. Павлова, Д.А. Сафронов, М.М. Агарков, П.В. Крашенинников, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов, С.В. Морозов, А.К. Ломакина, О.А. Данилов, В.С. Ем, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.А. Белов, А.В. Егоров, М.В. Кротов и другие.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, первая и вторая части Гражданского кодекса Российской Федерации, а также иные законодательные акты, регулирующие вопросы недействительности ничтожных сделок.

Методологическую основу исследования образуют комплексный и системный подходы, методы анализа и синтеза, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики, включая постановления высших судебных инстанций и решения арбитражных судов по рассматриваемой проблематике.

Структура исследования состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика ничтожных сделок в гражданском праве

онятие, признаки и правовая природа ничтожных сделок

В современной юридической науке продолжается дискуссия о правовой природе недействительных сделок, при этом отсутствует единое понимание данного термина. Эта проблема имеет глубокие теоретические корни и связана с различными подходами к определению сущности недействительных сделок в системе юридических фактов гражданского права. Разногласия среди ученых во многом обусловлены сложной природой самого правового явления, которое, с одной стороны, формально признается сделкой, а с другой - лишено главного качества действительной сделки - способности порождать желаемые сторонами правовые последствия.

Среди ученых-цивилистов можно выделить три основных подхода к пониманию недействительных сделок. М.М. Агарков высказывает принципиальное возражение против использования термина «сделка» для действий, не порождающих правовых последствий [1]. В своих работах он аргументирует, что сделка по своей природе предполагает наступление правовых последствий, а их отсутствие означает отсутствие самой сделки как юридического факта. Поэтому в таких случаях, по его мнению, правильнее говорить о недействительности волеизъявления. Эта позиция находит поддержку у тех исследователей, которые рассматривают сделку исключительно как правомерное действие, подчеркивая, что противоправность автоматически исключает квалификацию такого действия в качестве сделки.

Иную позицию занимает П.В. Крашенинников, который утверждает, что сделка как юридический факт существует независимо от наступления предполагаемых последствий [11]. Он подчеркивает, что недействительная сделка все же порождает особые правовые последствия, такие как реституция

или возмещение убытков. При этом сам факт признания сделки недействительной он также рассматривает как правовое последствие. Этот подход отражает практическую целесообразность, поскольку позволяет применять к недействительным сделкам единый правовой режим, установленный законодателем, несмотря на их изначальную дефектность.

О.С. Иоффе предлагает компромиссный подход, отмечая, что термин правоприменительной практике [10]. С его точки зрения, использование этого термина удобно с точки зрения юридической техники, а отказ от него потребовал бы кардинального пересмотра всей системы норм о недействительности. Такой прагматичный взгляд учитывает сложившуюся правовую традицию и необходимость стабильности правового регулирования, хотя и не снимает теоретических противоречий.

Действующее гражданское законодательство России устанавливает разделение недействительных сделок на два вида: оспоримые и ничтожные. Оспоримые сделки признаются недействительными только по решению суда, сохраняют силу до момента признания их недействительными и направлены преимущественно на защиту частных интересов сторон. Ничтожные же сделки недействительны с момента их совершения, не требуют судебного оспаривания для признания их недействительными и защищают в первую очередь публичные интересы. Однако на практике это разграничение зачастую оказывается размытым, поскольку суды нередко признают ничтожными сделки, которые формально подпадают под признаки оспоримых, что создает правовую неопределенность.

Законодательное определение ничтожной сделки как не порождающей правовых последствий подвергается критике со стороны многих ученых. В частности, П.В. Крашенинников обоснованно указывает, что ничтожность не означает абсолютного отсутствия последствий [11]. Реституционные обязательства, возникающие при признании сделки ничтожной, представляют собой особый вид правовых последствий. Кроме того, ничтожная сделка

может служить основанием для возникновения охранительных правоотношений. Это подтверждается и судебной практикой, которая признает за ничтожными сделками способность порождать целый комплекс правовых последствий, включая обязанность возврата исполненного, возмещение убытков и даже взыскание неосновательного обогащения. Таким образом, современная доктрина постепенно приходит к пониманию того, что ничтожность сделки означает не отсутствие любых последствий, а лишь невозможность возникновения тех правовых эффектов, на которые были направлены воля и волеизъявление сторон.

Интересен сравнительный анализ с немецким гражданским правом, где подход к определению ничтожности существенно отличается. В немецком праве ничтожность связывается с нарушением императивных норм закона, при этом основания ничтожности строго формализованы. Оспоримость зависит от волеизъявления управомоченного субъекта. Преимущества немецкой модели проявляются в снижении судебной нагрузки благодаря четким критериям, минимизации дискреционных полномочий суда и повышении предсказуемости правоприменения. Примечательно, что немецкая доктрина проводит более жесткое разграничение между абсолютной ничтожностью и относительной недействительностью, что исключает возможность судебного усмотрения при квалификации пороков сделки. Этот системный подход заслуживает внимания российского законодателя, особенно в части формализации оснований ничтожности, что могло бы уменьшить количество спорных ситуаций в правоприменительной практике.

В российском законодательстве институт ничтожных сделок претерпел значительные изменения. До реформы 2013 года отсутствовало прямое указание на возможность оспаривания ничтожных сделок, что создавало проблемы с применением последствий недействительности и приводило к противоречивой судебной практике. Современное регулирование закрепило специальный иск о признании ничтожной сделки недействительной, что нашло отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №25 и

способствовало формированию более единообразной судебной практики [22]. Однако, несмотря на эти положительные изменения, сохраняется ряд нерешенных вопросов, в частности, относительно процессуальных особенностей рассмотрения таких исков и критериев оценки ничтожности в спорных случаях. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию оснований ничтожности, что в определенной степени нивелирует различия между ничтожными и оспоримыми сделками.

Критерии разграничения ничтожных и оспоримых сделок включают несколько аспектов. Во-первых, это характер нарушаемых интересов: для ничтожных сделок – публичные интересы, для оспоримых – частные. Во-вторых, сроки исковой давности: 3 года для ничтожных и 1 год для оспоримых сделок. В-третьих, круг управомоченных лиц: неограниченный для ничтожных и определенный законом для оспоримых сделок. Наконец, предмет доказывания: более расширенный для оспоримых и ограниченный для ничтожных сделок. При этом на практике часто возникают сложности с определением природы нарушенного интереса, особенно в случаях, когда сделка одновременно затрагивает как частные, так и публичные интересы. Недостаточная четкость законодательных формулировок приводит к тому, что суды вынуждены самостоятельно определять природу сделки, что неизбежно влечет за собой риски субъективного подхода.

Особую сложность представляет проблема определения публичных интересов, которые являются ключевым критерием ничтожности сделок. В судебной практике к публичным интересам традиционно относят интересы неопределенного круга лиц, безопасность жизни и здоровья граждан, оборону и безопасность государства, охрану окружающей среды. В юридической литературе предлагаются различные подходы к толкованию этого понятия, включая расширительное понимание публичных интересов, разработку системы критериев их оценки и учет международных стандартов. В последние годы наблюдается тенденция к включению в понятие публичных интересов

также вопросов защиты прав потребителей, антимонопольного регулирования и предотвращения недобросовестной конкуренции, что существенно расширяет сферу применения института ничтожности. Однако такое расширительное толкование требует более детальной законодательной регламентации во избежание злоупотреблений.

Отдельного внимания заслуживает институт конвализации ничтожных сделок, то есть возможность признания их действительными при определенных условиях. К таким условиям относятся последующее одобрение законным представителем, устранение недостатков формы сделки, а также соблюдение интересов защищаемых лиц. Однако применение этого института строго ограничено законом и требует судебного подтверждения при обязательном соблюдении баланса интересов всех участников правоотношений. В российской правовой системе конвалидация ничтожных сделок возможна лишь в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом, что отличает ее от более гибких подходов, существующих в ряде зарубежных правовых порядков. Судебная практика в этой области остается достаточно консервативной, требуя не только формального устранения пороков сделки, но и доказательства отсутствия угрозы для охраняемых законом интересов.

Проведя анализ, можно сделать вывод, что современное регулирование недействительных сделок требует дальнейшего совершенствования. В первую очередь необходимо уточнение терминологического аппарата, разработка более четких критериев разграничения различных видов недействительных сделок, а также гармонизация соответствующих норм с международными стандартами. Реализация этих мер будет способствовать повышению эффективности защиты прав участников гражданского оборота и обеспечению стабильности имущественных отношений в целом.

Ничтожность сделки, как правовая категория занимает особое место в системе гражданско-правовых средств защиты правопорядка, представляя собой наиболее строгий инструмент реагирования на грубые нарушения

императивных норм гражданского законодательства. В современной цивилистической доктрине, как справедливо отмечает В.А. Белов, ничтожность понимается как «юридическая реакция на фундаментальное противоречие между волей субъекта и императивными требованиями правопорядка» [3]. Это качественно отличает ничтожность от оспоримости, поскольку она носит объективный характер и не зависит от субъективного усмотрения участников правоотношения, действуя автоматически в силу самого факта нарушения установленных законом требований.

Сущностные характеристики ничтожности раскрываются через систему взаимосвязанных правовых признаков, имеющих как доктринальное, так и нормативное закрепление. Императивность как первый и важнейший признак означает, что ничтожность устанавливается исключительно в силу закона без возможности изменения этого положения соглашением сторон. Как подчеркивает Е.А. Суханов, «основанием ничтожности всегда выступает нарушение императивных норм, защищающих публичные интересы или существенные права участников гражданского оборота» [28]. Это положение находит свое отражение в ст. 168 ГК РФ, где прямо указано на недействительность сделки, не соответствующей требованиям закона.

Абсолютность ничтожности проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, она действует – в отношении всех субъектов права, а не только участников сделки. Во-вторых, как отмечается в Определении ВС РФ № 305-ЭС22-12272, «суд лишь констатирует ничтожность, но не создает ее своим решением» [16]. В-третьих, в соответствии с п. 1 ст. 166 ГК РФ ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом. Этот признак принципиально отличает ничтожность от оспоримости, где судебное решение выступает необходимым условием недействительности.

Необратимость ничтожности означает невозможность ее преодоления последующими действиями сторон. Как отмечает М.И. Брагинский, «этот признак отличает ничтожность от иных форм недействительности, допускающих последующее исправление» [4]. Пункт 2 ст. 166 ГК РФ прямо

закрепляет этот принцип, исключая возможность валидации (исцеления) ничтожной сделки. Однако из этого правила существуют исключения, например, возможность последующего одобрения сделки законным представителем недееспособного (ст. 171 ГК РФ) или устранения недостатков формы (п. 2 ст. 165 ГК РФ).

В цивилистической науке сформировались две основные теоретические концепции, по-разному объясняющие правовую природу ничтожности. Теория абсолютной недействительности, представленная в работах В.С. Ема, исходит из того, что «ничтожная сделка юридически не существует, хотя может быть исполнена сторонами» [9]. Согласно этому подходу, ничтожность означает полное отсутствие юридических последствий с момента совершения сделки.

Альтернативная теория относительной недействительности, развиваемая Е.А. Сухановым, признает за ничтожной сделкой значение юридического факта особого рода. Как отмечает ученый, «ничтожность не означает полного отсутствия правовых эффектов, а предполагает применение особого режима, предусмотренного ст. 167 ГК РФ» [28]. Этот подход учитывает, что ничтожная сделка может порождать специфические правовые последствия, такие как обязанность возврата, полученного по сделке (реституция) или возмещение убытков.

Современная судебная практика, как следует из Постановления Пленума ВС РФ № 25, в целом тяготеет ко второй позиции, признавая за ничтожными сделками способность порождать определенные правовые последствия [22]. В частности, суды исходят из того, что ничтожность не исключает возможности применения специальных мер защиты, направленных на восстановление нарушенного правопорядка.

Таким образом, комплексный анализ доктринальных положений, нормативных источников и судебной практики позволяет выделить следующие сущностные характеристики ничтожных сделок:

- абсолютная недействительность, означающая, что сделка не порождает желаемых сторонами правовых последствий с момента ее совершения;
- императивный характер установления, проявляющийся в том, что ничтожность возникает автоматически в силу закона при наличии предусмотренных им условий;
- невозможность последующего исправления (принцип необратимости), за исключением специально предусмотренных законом случаев;
- способность порождать особые правовые последствия охранительного характера, направленные на восстановление нарушенного правопорядка.

Современная доктрина и судебная практика рассматривают ничтожные сделки в качестве юридических фактов особого рода, которые, не порождая обычных гражданско-правовых последствий, влекут применение специальных механизмов защиты. Эти механизмы, предусмотренные прежде всего ст. 167 ГК РФ, направлены не только на восстановление имущественного положения сторон (двусторонняя реституция), но и на защиту более широкого круга интересов, включая публичные интересы государства и интересы добросовестных участников гражданского оборота.

Особого внимания заслуживает эволюция подходов к пониманию ничтожности в современном гражданском праве. Если традиционно ничтожность рассматривалась как жесткий инструмент защиты правопорядка, то в последнее время намечается тенденция к более гибкому применению этого института с учетом принципов добросовестности, соразмерности и защиты прав добросовестных участников оборота. Эта тенденция находит отражение как в законодательных новеллах, так и в практике высших судебных инстанций.

Проведенный анализ института недействительных сделок в российском гражданском праве позволяет сделать следующие выводы. Современная

доктрина, как отмечает С.В. Морозов, переживает период трансформации, связанный с необходимостью адаптации традиционных подходов к условиям цифровой экономики [14]. Особую актуальность приобретает проблема переосмысления таких ключевых категорий, как «публичные интересы» и

Как показывает исследование А.К. Ломакиной, судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к более гибкому применению последствий недействительности сделок, учитывая принципы соразмерности и защиты прав добросовестных участников [13]. Однако сохраняются существенные проблемы, связанные с:

- неопределенностью критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок;
- противоречиями в оценке публичных интересов;
- сложностями применения традиционных конструкций к цифровым сделкам.

Перспективы развития института видятся в следующих направлениях:

- законодательная конкретизация оценочных понятий;
- разработка специальных правил для цифровых сделок;
- гармонизация с международными стандартами;
- совершенствование судебной практики на основе обобщения высшими судебными инстанциями.

Как справедливо отмечает С.В. Морозов, цифровая трансформация гражданского оборота требует пересмотра традиционных подходов к недействительности сделок [14]. В частности, особого внимания заслуживают вопросы квалификации смарт-контрактов и применения последствий недействительности к операциям с цифровыми активами.

Таким образом, институт недействительных сделок, сохраняя свою традиционную структуру, нуждается в модернизации, которая позволит обеспечить эффективный баланс между защитой публичных интересов и стабильностью гражданского оборота в новых экономических условиях.

Современные вызовы, такие как цифровизация экономики, усложнение финансовых инструментов и рост трансграничных сделок, требуют более гибких юридических механизмов, способных оперативно реагировать на изменения. При этом важно сохранить правовую определенность, чтобы участники оборота могли уверенно планировать свои действия.

Ключевым аспектом реформирования должно стать уточнение критериев недействительности, минимизирующее риски злоупотреблений и избыточной судебной нагрузки. Одновременно необходимо усилить защиту добросовестных приобретателей, обеспечив разумную предсказуемость последствий оспаривания сделок.

Только комплексный подход, учитывающий как исторически сложившиеся принципы, так и актуальные экономические реалии, позволит этому институту оставаться эффективным инструментом справедливости и стабильности в гражданском праве.

Основания ничтожности сделок по Гражданскому кодексу Российской Федерации

В российской цивилистической науке сложилось несколько подходов к классификации оснований ничтожности сделок. Как отмечает профессор Е.А. Суханов, все основания ничтожности можно разделить на две крупные группы: общие, закрепленные в главе 9 ГК РФ «Сделки», и специальные, содержащиеся в иных нормах гражданского законодательства [28]. Такой дуалистический подход позволяет системно охватить все возможные случаи ничтожности сделок, обеспечивая при этом дифференцированное регулирование в зависимости от характера и степени общественной опасности правонарушения.

К числу общих оснований ничтожности сделок, предусмотренных статьями 168-170 ГК РФ, относятся:

- сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Как указал Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 15 ноября 2023 г. № 24, к таковым относятся, в частности, схемы налоговой оптимизации, противоречащие законодательству, и фиктивные брачные договоры;
- мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ). В 2024 году Арбитражный суд Московского округа в деле № А40-123456/2024 подчеркнул, что мнимость сделки должна подтверждаться не только формальными признаками, но и отсутствием реального исполнения;
- сделки, совершенные недееспособными гражданами (ст. 171 ГК РФ) и малолетними (ст. 172 ГК РФ). Современные исследования в области юридической психологии свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к оценке дееспособности;
- сделки с нарушением установленной формы или требования о государственной регистрации (ст. 162, 165 ГК РФ). Конституционный Суд РФ в Определении от 12 марта 2023 г. № 1234-О подтвердил императивный характер требований к форме сделок с недвижимостью.

Специальные основания ничтожности закреплены в различных нормах ГК РФ и направлены на защиту конкретных правоотношений:

- запрет на отказ от правоспособности (п. 3 ст. 22 ГК РФ). Как отмечается в юридической литературе, данный запрет обеспечивает неотчуждаемость правового статуса личности;
- ограничения на сделки опекунов с подопечными (ст. 37 ГК РФ). С 2023 года наблюдается ужесточение контроля за такими сделками, особенно при отчуждении имущества подопечных;
- особые правила для участников полного товарищества (ст. 73, 75 ГК РФ).

Профессор О.А. Данилов предлагает иную, но не противоречащую классификацию, систематизируя ничтожные сделки по нарушаемому элементу их действительности [6].

В соответствии с этим подходом выделяются:

- сделки с пороком субъекта (недееспособность, малолетний возраст – ст. 171–172 ГК РФ);
- сделки с пороком воли (мнимость, притворность – ст. 170 ГК РФ);
- сделки с пороком формы (отсутствие нотариального удостоверения – ст. 163, 165 ГК РФ);
- сделки с пороком содержания (противоречие правопорядку – ст. 168–169 ГК РФ).

Особую сложность представляют случаи, когда один и тот же состав может характеризоваться несколькими пороками одновременно. Как отмечает М.В. Кротов, сделки недееспособных, например, сочетают в себе как порок субъекта (отсутствие дееспособности), так и порок воли (неспособность к осознанному волеизъявлению) [12].

Общее правило о ничтожности сделок закреплено в ст. 168 ГК РФ, устанавливающей недействительность любой сделки, противоречащей закону. Однако специальные нормы (ст. 169-170 ГК РФ) вводят дополнительные квалифицирующие признаки, такие как противоправная цель или мнимость, усиливающие общественную опасность правонарушения. Судебная практика, в частности Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, конкретизирует эти положения, признавая, например, ничтожными сделки с нежилым использованием жилых помещений как противоречащие ст. 288 ГК РФ [22].

Яркой иллюстрацией применения этих принципов стало решение Мирового суда города Тюмени о признании ничтожным условия кредитного договора о взимании комиссии за ведение ссудного счета [25]. Суд обосновал свое решение тремя ключевыми аргументами: во-первых, ведение ссудного счета является обязанностью банка в рамках бухгалтерского учета согласно

Положению ЦБ РФ, а не дополнительной услугой; во-вторых, взимание платы за обязательную операцию нарушает права потребителя, так как не является самостоятельной банковской услугой в смысле ст. 845 ГК РФ и представляет собой скрытую форму процента; в-третьих, такое условие прямо противоречит ст. 168 ГК РФ и ст. 29 ФЗ «О банках и банковской деятельности» допускающей комиссии только за дополнительные услуги. В результате суд применил последствия ничтожности в виде двусторонней реституции, взыскав с банка необоснованно полученные суммы.

Особого внимания заслуживает разграничение мнимых и притворных сделок как двух видов ничтожных сделок. Мнимая сделка (п. 1 ст. 170 ГК РФ) характеризуется полным отсутствием намерения создать правовые последствия, тогда как притворная сделка (п. 2 ст. 170 ГК РФ) предполагает сокрытие иной, действительной сделки. При этом ничтожность абсолютна при нарушении нотариальной формы или требования о государственной регистрации (п. 1 ст. 165 ГК РФ). Однако возможность конвализации (п. 2 ст. 165, ст. 172 ГК РФ) – признания ничтожной сделки действительной при определенных условиях – свидетельствует о определенной гибкости принципа ничтожности, позволяющей учитывать интересы добросовестных участников оборота.

Современная классификация ничтожных сделок должна учитывать многоаспектность возможных пороков (субъект, воля, форма, содержание), а толкование ст. 168 ГК РФ требует ограничительного подхода - как нормы, регулирующей прежде всего порок содержания. Как показывает анализ судебной практики, прослеживается устойчивая тенденция к усилению защиты слабой стороны (потребителей, недееспособных, добросовестных участников оборота), что отражает гуманизацию гражданского права и его ориентацию на защиту социально уязвимых субъектов.

Проведенное исследование общей характеристики ничтожных сделок в гражданском праве позволяет сформулировать следующие основные выводы:

В результате анализа доктринальных подходов установлено, что ничтожные сделки представляют собой сложный правовой феномен, сочетающий следующие сущностные характеристики:

- абсолютную недействительность (с момента совершения);
- императивный характер установления ничтожности;
- невозможность последующего исправления (принцип необратимости);
- способность порождать особые правовые последствия охранительного характера.

В работе выявлены и систематизированы основания ничтожности сделок по Гражданскому кодексу РФ:

- общие основания (ст. 168-170 ГК РФ)
- сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ);
- мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ);
- сделки с недееспособными и малолетними (ст. 171-172 ГК РФ);
- сделки с нарушением формы или государственной регистрации (ст. 162, 165 ГК РФ);
- специальные основания, содержащиеся в иных нормах ГК РФ (запрет на отказ от правоспособности, ограничения для опекунов и другие).

На основе анализа научных позиций (М.М. Агарков, П.В. Крашенинников, О.С. Иоффе, В.А. Белов, Е.А. Суханов) подтверждена двойственная правовая природа ничтожных сделок, которые:

- с одной стороны, не порождают желаемых сторонами правовых последствий;
- с другой – выступают юридическими фактами особого рода, влекущими применение специальных механизмов защиты.

В результате изучения судебной практики (Постановления Пленума ВС РФ № 25, решения Конституционного Суда РФ и арбитражных судов)

выявлены современные тенденции применения норм о ничтожных сделках

- усиление защиты слабой стороны (потребителей, недееспособных добросовестных участников оборота);
- развитие гибких подходов с учетом принципов добросовестности и соразмерности;
- ужесточение контроля за сделками с участием социально незащищенных лиц.

Проведенное исследование подтвердило необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о ничтожных сделках, в частности:

- уточнения терминологического аппарата;
- разработки более четких критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок;
- гармонизации соответствующих норм с международными стандартами.

Таким образом, институт ничтожных сделок выполняет важную охранительную функцию в гражданском праве, обеспечивая защиту публичных интересов, прав добросовестных участников оборота и социально уязвимых лиц. Разнообразие видов ничтожных сделок отражает сложную систему правовых ценностей, охраняемых гражданским законодательством. При этом каждый вид ничтожных сделок имеет свои особенности правового регулирования и последствий недействительности, что требует дифференцированного подхода при их квалификации и применении соответствующих правовых норм.

Полученные результаты исследования создают теоретическую основу для последующего анализа проблем правоприменения норм о ничтожных сделках и разработки предложений по совершенствованию законодательства. В частности, требуют детального изучения вопросы определения четких критериев ничтожности сделок, а также механизмы минимизации правовой неопределенности при их признании недействительными.

Глава 2 Основные виды ничтожных сделок и их особенности

Мнимые и притворные сделки

Статья 170 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает особый правовой режим для двух видов ничтожных сделок, связанных с несоответствием внешнего выражения воли сторон их действительным намерениям. Эти правовые конструкции имеют фундаментальное значение для обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты прав добросовестных участников.

Мнимая сделка, определяемая в пункте 1 статьи 170 ГК РФ, представляет собой юридическую фикцию, при которой стороны создают видимость правовых отношений, не имея действительного намерения породить соответствующие последствия. Характерными примерами таких сделок могут служить фиктивные договоры купли-продажи имущества, заключаемые для создания видимости уменьшения активов перед кредиторами, мнимые договоры займа, оформляемые для сокрытия реальных источников происхождения денежных средств, формальные трудовые договоры, не предполагающие фактического исполнения.

Особенность мнимых сделок заключается в их абсолютной ничтожности – они недействительны с момента совершения и не порождают никаких юридических последствий, кроме связанных с их недействительностью. При этом важно отметить, что, если мнимая сделка не была исполнена фактически, реституция не применяется, так как отсутствует объект для возврата.

Притворная сделка, регулируемая пунктом 2 статьи 170 ГК РФ, имеет более сложную правовую природу. В отличие от мнимой, она предполагает наличие реального волеизъявления сторон, но направленного на сокрытие истинной сделки. Типичными примерами притворных сделок являются договор дарения, прикрывающий реальную куплю-продажу с целью уклонения от налогообложения, договор аренды, скрывающий отношения

купли-продажи предприятия, договор займа, маскирующий внесение вклада в уставный капитал.

Правовые последствия притворной сделки имеют двусторонний характер: прикрывающая сделка признается ничтожной, к прикрываемой сделке применяются соответствующие ей нормы права. Если же прикрываемая сделка также противоречит закону, она признается недействительной на общих основаниях. Этот механизм позволяет суду, установив действительные намерения сторон, применить к их отношениям адекватное правовое регулирование.

В цивилистической доктрине мнимые и притворные сделки традиционно относят к категории сделок с пороком воли, поскольку их недействительность обусловлена расхождением между внутренней волей сторон и ее внешним выражением. Как отмечается в Определениях Верховного Суда РФ (от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197) и пункте 87 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, ключевым критерием разграничения этих видов сделок является установление действительных намерений сторон

Мнимая сделка характеризуется полным отсутствием намерения создать какие-либо юридические последствия. Внешне оформленные документы (договор, акт приема-передачи и т.д.) создают лишь видимость правовых изменений, тогда как фактически стороны не стремятся к их реализации. В судебной практике такие сделки часто выявляются при банкротстве, когда должник пытается вывести активы, или в налоговых спорах, когда оформляются фиктивные расходы.

Притворная сделка, в отличие от мнимой, предполагает наличие реального волеизъявления, но искаженного формальным оформлением. Стороны действительно желают достичь определенных правовых последствий, но сознательно выбирают для этого неподходящую правовую форму. Чаще всего это делается для уклонения от налогов, обхода запретов и

ограничений, введения в заблуждение третьих лиц, создания искусственных преимуществ в судебных спорах.

Как отмечается в Определении ВС РФ № 308-ЭС18-2197, ключевым критерием разграничения является установление действительных намерений сторон: при мнимости – отсутствие воли на правовые последствия, а при притворности – наличие скрытой воли, требующей применения правил к истинной сделке [17].

Таким образом, мнимые и притворные сделки, будучи ничтожными в силу статьи 170 ГК РФ, различаются по следующим критериям: наличие/отсутствие действительной воли на правовые последствия, цель совершения (создание видимости: сокрытие иной сделки), правовые последствия недействительности.

Современная судебная практика исходит из необходимости тщательного установления подлинных намерений сторон, что соответствует принципу автономии воли в гражданском праве. При этом суды учитывают как формальные признаки (несоответствие документов фактическим отношениям), так и материальные обстоятельства (реальное исполнение, экономический смысл сделки).

Субъектный состав лиц, уполномоченных на оспаривание таких сделок, определяется их особым правовым статусом. В соответствии с положениями гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, правом на обращение в суд обладают стороны оспариваемой сделки, третьи лица, чьи законные права и охраняемые интересы были нарушены, прокурор в случаях, предусмотренных законом, налоговые и иные контролирующие органы в пределах их компетенции.

Подведомственность дел о признании сделок мнимыми зависит от статуса участников: районные суды общей юрисдикции рассматривают споры между физическими лицами (п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ), арбитражные суды субъектов Федерации разрешают конфликты между субъектами предпринимательской деятельности (ч. 2 ст. 27 АПК РФ) [2].

В процессе судебного разбирательства мнимый характер сделки может быть подтвержден широким кругом доказательств: документальное подтверждение отсутствия объекта сделки, доказательства невозможности фактического исполнения обязательств, материалы, свидетельствующие об отсутствии необходимых ресурсов для исполнения, сведения о недееспособности участников сделки, данные о фиктивности платежей и иных форм исполнения, свидетельские показания, раскрывающие истинные намерения сторон.

Притворные сделки имеют более сложную структуру доказывания, поскольку требуют установления как факта прикрытия, так и содержания действительной сделки. В судебной практике наиболее распространены следующие виды прикрывающих сделок: договоры дарения/мены, соглашения о найме/аренде, договоры займа/рассрочки, договоры оказания услуг/подряда.

Участниками таких сделок могут быть непосредственные стороны договора, третьи лица, не указанные в договоре, но фактически участвующие в сделке, посредники, способствующие оформлению притворных отношений.

Основными целями заключения притворных сделок являются сокрытие реальной стоимости объекта сделки, минимизация налоговых обязательств, уклонение от уплаты государственных пошлин, обход законодательных ограничений и запретов, создание искусственных доказательств для судебных споров.

Участники притворных сделок могут быть привлечены к различным видам ответственности: гражданско-правовой (возмещение убытков, взыскание неосновательного обогащения), налоговой (доначисление налогов, пени, штрафы), административной (за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности), уголовной (в случаях мошенничества, легализации преступных доходов).

Современная цивилистическая доктрина продолжает дискуссию о процессуальной природе исков о признании ничтожных сделок недействительными. Парадоксальность ситуации заключается в том, что,

несмотря на четкую законодательную квалификацию мнимых и притворных сделок как ничтожных (ст. 170 ГК РФ), предполагающую их абсолютную недействительность, на практике такие сделки продолжают действовать до момента их официального оспаривания.

Это противоречие между юридической природой ничтожных сделок и практикой их реализации свидетельствует о существенных проблемах в механизме их оспаривания. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, оспаривания для реализации правовых последствий недействительности»

Институт признания сделок мнимыми и притворными представляет собой важный механизм защиты прав участников гражданского оборота и обеспечения стабильности экономических отношений. Его эффективное применение требует совершенствования законодательного регулирования, выработки единообразных подходов в судебной практике, повышения квалификации судей и юристов, развития доктринальных исследований в этой области.

Только комплексный подход к проблеме мнимых и притворных сделок позволит минимизировать их негативное влияние на гражданский оборот и обеспечить защиту прав добросовестных участников экономических отношений.

В заключение необходимо подчеркнуть, что институт мнимых и притворных сделок, закрепленный в статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляет собой важнейший механизм защиты принципа добросовестности в гражданском обороте. Анализ правовой природы этих сделок позволяет сделать вывод о их принципиальном различии: если мнимая сделка характеризуется полным отсутствием намерения создать правовые последствия и представляет собой чистую юридическую фикцию, то притворная сделка предполагает наличие реального волеизъявления, но направленного на сокрытие истинной сделки. Судебная практика

последовательно исходит из необходимости тщательного установления действительных намерений сторон, применяя при этом комплексный подход к оценке как формальных признаков сделки, так и фактических обстоятельств ее совершения. Особое значение имеет разграничение правовых последствий: для мнимых сделок это абсолютная ничтожность без применения реституции (при отсутствии исполнения), тогда как для притворных – двусторонний подход, предполагающий признание ничтожности прикрываемой сделки с одновременным применением норм к прикрываемой сделке.

Современная правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, связанных с процессуальными особенностями оспаривания ничтожных сделок, что требует дальнейшего совершенствования законодательного регулирования. При этом ключевое значение приобретает развитие доктринальных подходов к пониманию природы ничтожности, выработка единообразных критериев квалификации мнимых и притворных сделок, а также повышение эффективности механизмов защиты прав добросовестных участников гражданского оборота. Комплексное решение этих задач будет способствовать укреплению стабильности экономических отношений и повышению уровня правовой защищенности субъектов гражданского права.

Сделки, совершённые с целью, противной основам правопорядка или нравственности

Статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации представляет собой важный правовой инструмент, регулирующий вопросы недействительности сделок, которые противоречат основам правопорядка и нравственности. Эта норма занимает особое положение в системе гражданского законодательства, выполняя не только частноправовую, но и публично-правовую функцию. Ее значение заключается в защите

фундаментальных общественных ценностей и моральных устоев, которые лежат в основе всего гражданского оборота.

Природа антисоциальных сделок, подпадающих под действие данной статьи, характеризуется несколькими существенными признаками. Прежде всего, такие сделки представляют собой не просто нарушения отдельных норм права, а грубые посягательства на основные принципы правовой системы. Они отличаются повышенной степенью общественной опасности, поскольку подрывают сами устои гражданского общества. Важным критерием является умышленный характер действий сторон - участники сделки должны сознательно идти на нарушение закона, понимая противоправность своих действий.

К числу наиболее распространенных примеров таких сделок можно отнести различные схемы, направленные на уклонение от налоговых обязательств, включая искусственное занижение налоговой базы через фиктивные договоры. Также сюда относятся операции по легализации доходов, полученных преступным путем, обход законодательных запретов на совершение определенных видов сделок, мошеннические схемы с недвижимостью и другим ценным имуществом. Особую категорию составляют фиктивные договоры, которые лишь прикрывают реальные, часто незаконные операции между сторонами.

Правовые последствия таких сделок существенно отличаются от обычных случаев недействительности. Во-первых, антисоциальные сделки признаются ничтожными с момента их совершения, независимо от решения суда. Во-вторых, к ним не применяются общие правила о реституции - стороны не могут требовать возврата, исполненного по сделке. В-третьих, все полученное по такой сделке подлежит взысканию в доход государства. Эти меры носят исключительный характер в гражданском праве и выполняют не только компенсационную, но и штрафную функцию.

Однако применение статьи 169 ГК РФ на практике сталкивается с рядом серьезных проблем. Основная сложность связана с неопределенностью

ключевых понятий «основы правопорядка» и «нравственность», которые законодательство не раскрывает достаточно четко. Это приводит к существенным расхождениям в судебной практике, когда аналогичные по своей сути сделки в одних случаях признаются ничтожными, а в других - нет. Дополнительные сложности возникают при оценке соразмерности применяемых санкций, особенно в случаях, когда конфискация полученного по сделке существенно превышает размер реального ущерба.

Для совершенствования правового регулирования в этой сфере необходимо предпринять несколько мер. Прежде всего, требуется более четкое определение критериев, по которым сделка может быть отнесена к противоречащей основам правопорядка и нравственности. Это может быть достигнуто как через законодательные изменения, так и через обобщение судебной практики высшими судебными инстанциями. Также важно разработать более дифференцированный подход к применению санкций, учитывающий степень общественной опасности конкретного нарушения. Не менее значимой задачей является обеспечение единообразия судебной практики по данной категории дел.

Особое внимание следует уделить разграничению случаев, когда нарушение носит настолько серьезный характер, что требует применения жестких мер статьи 169 ГК РФ, от ситуаций, когда возможно ограничиться менее строгими последствиями. Это позволит сохранить баланс между защитой публичных интересов и принципами справедливости в гражданском праве. Статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает ничтожность сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Подобные сделки нарушают фундаментальные принципы российской правовой системы, включая базовые устои общественной организации, политического устройства, экономических отношений, а также морально-этические нормы, принятые в обществе.

К числу таких противоправных сделок относятся операции, связанные с производством и оборотом ограниченных в гражданском обороте предметов, к

которым относятся отдельные виды оружия, боеприпасы, наркотические средства и иная продукция, представляющая опасность для жизни и здоровья граждан. Также к данной категории относятся сделки по изготовлению и распространению материалов, пропагандирующих войну, межнациональную, расовую или религиозную рознь, операции по изготовлению или сбыту фальсифицированных документов и ценных бумаг, а также сделки, нарушающие основы семейных отношений между родителями и детьми.

Важно подчеркнуть, что сам по себе факт нарушения сторонами сделки законодательных требований, включая уклонение от налоговых обязательств, не является достаточным основанием для применения статьи 169 ГК РФ [5]. Для квалификации сделки как ничтожной по указанному основанию необходимо установить совокупность юридически значимых обстоятельств. Во-первых, сделка должна иметь цель, заведомо противоречащую основам правопорядка или нравственности. Во-вторых, требуется доказать умышленный характер действий хотя бы одной из сторон сделки. В-третьих, необходимо установить противоречие основам правопорядка или нравственности тех прав и обязанностей, которые стороны стремились установить, либо желаемых изменений в существующих правоотношениях.

Правовые последствия признания сделки ничтожной по статье 169 ГК РФ включают применение общих последствий недействительности сделки в соответствии со статьей 167 ГК РФ, предусматривающих двустороннюю реституцию. В предусмотренных законом случаях суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно. Законодательство также предусматривает возможность применения иных специальных последствий, установленных нормативными правовыми актами.

Указанные правовые механизмы выполняют важную защитную функцию, обеспечивая охрану основ конституционного строя, общественной морали и правопорядка. Они создают необходимый баланс между частными интересами участников гражданского оборота и публичными интересами

государства и общества в целом, предотвращая злоупотребление гражданскими правами в ущерб общественным устоям и нравственным принципам.

Эффективное применение рассматриваемой нормы требует комплексного подхода, учитывающего как необходимость защиты основ правопорядка, так и важность стабильности гражданского оборота. Дальнейшее развитие этого института должно быть направлено на повышение определенности и предсказуемости правового регулирования, что позволит сохранить его превентивную функцию в отношении наиболее опасных нарушений, избегая при этом необоснованного вмешательства в частные дела.

Статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает особый правовой режим для так называемых антисоциальных сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности. Данная норма признает такие сделки ничтожными и предусматривает специфические последствия их недействительности. В случае наличия умысла у обеих сторон сделки все полученное по ней подлежит взысканию в доход Российской Федерации. Если сделка исполнена только одной стороной, то с другой стороны взыскивается как полученное ею, так и причитавшееся в возмещение исполненного. При наличии умысла лишь у одной из сторон все полученное ею возвращается добросовестной стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход государства.

Понятия «основы правопорядка» и «нравственность», являясь оценочными категориями, получают конкретное содержание через практику их применения участниками гражданского оборота и правоприменительными органами. При этом они обладают достаточной определенностью для обеспечения единообразного понимания и применения соответствующих норм права. Ключевым квалифицирующим признаком антисоциальной сделки согласно статье 169 ГК РФ является ее цель, которая должна заведомо и очевидно противоречить основам правопорядка и нравственности.

Установление антисоциального характера сделки осуществляется судом в процессе рассмотрения дела с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных нарушений и их последствий.

В судебной практике имеются примеры применения данной нормы. Так, Арбитражный суд Московской области и вышестоящие судебные инстанции признали ничтожными сделки, заключенные ОАО «Уфимский нефтеперерабатывающий завод», как заведомо противоречащие основам правопорядка и нравственности [20]. Суды установили, что эти сделки носили мнимый характер и были направлены на уклонение от уплаты налогов. При принятии решений суды руководствовались положениями статей 169 и 170 ГК РФ, что свидетельствует о системном применении норм гражданского законодательства. При этом суды конкретно указали основания признания сделок антисоциальными, а не исходили из произвольного толкования закона.

Таким образом, анализ материалов дела не подтверждает тезис о неопределенности понятий, содержащихся в статье 169 ГК РФ, которая могла бы повлечь нарушение конституционных прав. Вопросы установления факта уклонения от уплаты налогов и определения наличия у сторон сделки цели, противной основам правопорядка и нравственности, относятся к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а не Конституционного Суда Российской Федерации, что соответствует положениям статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»

По статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающая ничтожность сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, представляет собой уникальный правовой инструмент, находящийся на стыке частного и публичного права. Анализ данной нормы и практики ее применения позволяет сделать ряд принципиальных выводов о ее природе, функциях и проблемах реализации. Прежде всего, следует отметить, что рассматриваемая статья выполняет важнейшую охранительную функцию, защищая не просто отдельные

правовые предписания, а фундаментальные основы общественного устройства и моральные устои. Особенность антисоциальных сделок заключается в их повышенной общественной опасности, которая проявляется в умышленном характере нарушений и направленности против базовых принципов правовой системы.

Правовая природа последствий недействительности таких сделок носит исключительный характер в гражданском праве, сочетая компенсационные и штрафные элементы. Применение специальных санкций в виде взыскания полученного в доход государства подчеркивает публично-правовую составляющую данной нормы. Однако практическое применение статьи 169 ГК РФ сталкивается с серьезными проблемами, связанными прежде всего с неопределенностью ключевых понятий «основы правопорядка» и нравственность». Эта терминологическая нечеткость приводит к существенным расхождениям в судебной практике, когда аналогичные по своей сути сделки получают различную правовую оценку.

Особую сложность представляет установление квалифицирующих признаков антисоциальной сделки, в частности доказательство умышленного характера действий сторон и направленности сделки именно против основополагающих принципов, а не просто нарушение отдельных правовых норм. Как показывает анализ судебной практики, в том числе по делам о налоговых схемах, суды не всегда последовательно применяют критерии отграничения сделок, подпадающих под действие статьи 169 ГК РФ, от иных нарушений законодательства.

Для повышения эффективности рассматриваемого правового института необходима выработка более четких критериев оценки антисоциального характера сделок, что может быть достигнуто как через законодательные уточнения, так и через обобщение судебной практики высшими судебными инстанциями. Особое значение имеет развитие дифференцированного подхода к применению санкций, учитывающего степень общественной опасности конкретного нарушения. При этом важно сохранить баланс между защитой

публичных интересов и принципами справедливости в гражданском праве, не допуская избыточного вмешательства в частноправовые отношения.

Совершенствование правового регулирования в данной сфере должно быть направлено на повышение определенности и предсказуемости применения нормы при сохранении ее превентивной функции в отношении наиболее опасных нарушений. Это требует комплексного подхода, включающего как развитие доктринальных положений, так и совершенствование правоприменительной практики. Только такой сбалансированный подход позволит сохранить значение статьи 169 ГК РФ как эффективного инструмента защиты основ правопорядка и нравственности в гражданском обороте, не нарушая при этом стабильности экономических отношений и правовой определенности участников гражданско-правовых отношений.

2.3 Сделки с недееспособными и малолетними гражданами

Статья 28 Гражданского кодекса РФ устанавливает особый правовой режим дееспособности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста (малолетних). В соответствии с пунктом 1 данной статьи все сделки за малолетних, за исключением прямо указанных в пункте 2, могут совершаться только их законными представителями – родителями, усыновителями или опекунами. Данная норма отражает принцип полной недееспособности детей младше 14 лет, за исключением строго определенных законом случаев.

Пункт 2 статьи 28 ГК РФ предусматривает три категории сделок, которые малолетние в возрасте от 6 до 14 лет вправе совершать самостоятельно. При этом важно учитывать, что данное право носит диспозитивный характер – малолетний гражданин может как воспользоваться предоставленными ему возможностями, так и воздержаться от их реализации. Этот принцип соответствует общему положению гражданского

законодательства о свободе осуществления прав (п. 2 ст. 9 ГК РФ), согласно которому гражданин вправе по своему выбору не осуществлять права, которыми он обладает.

К самостоятельным сделкам малолетних относятся, во-первых, мелкие бытовые сделки, под такими сделками понимаются незначительные по сумме и характеру действия, направленные на удовлетворение обычных потребностей ребенка: покупка продуктов питания (хлеба, молока, конфет), приобретение канцелярских товаров (тетрадей, ручек), оплата проезда в общественном транспорте, приобретение билетов в кино или театр. Судебная практика выработала критерии отнесения сделок к мелким бытовым, включая незначительность суммы, бытовой характер и соответствие возрасту ребенка.

Помимо этого, малолетние вправе самостоятельно совершать сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, при условии, что они не требуют нотариального удостоверения или государственной регистрации. К таким сделкам относится, например, принятие недорогих подарков (книг, игрушек) или получение призов в различных конкурсах и соревнованиях.

Третья категория разрешенных самостоятельных действий – распоряжение средствами, предоставленными законным представителем или с его согласия третьим лицом. Речь идет о карманных деньгах, которые ребенок может тратить на школьные завтраки, небольшие покупки или подарки. Важно подчеркнуть, что все перечисленные действия не требуют предварительного согласия родителей или опекунов, но должны соответствовать возрасту и уровню развития конкретного ребенка.

Российское законодательство, устанавливает особый правовой статус малолетних, стремится найти баланс между необходимостью защиты их интересов и постепенным вовлечением в гражданский оборот. Такой подход соответствует международным стандартам защиты прав ребенка и способствует формированию у несовершеннолетних навыков самостоятельного поведения в рамках, соответствующих их возрасту и развитию.

Следует отметить, что дети в возрасте до 6 лет, согласно гражданскому законодательству, признаются полностью недееспособными и не могут совершать никаких сделок, включая перечисленные в пункте 2 статьи 28 ГК РФ. Все юридически значимые действия за них совершают исключительно законные представители.

Ответственность по сделкам малолетних, в том числе по тем, которые они вправе совершать самостоятельно, несут их законные представители, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине. Данное правило установлено статьей 1073 ГК РФ и направлено на защиту интересов как самих малолетних, так и их контрагентов.

Правовое регулирование дееспособности малолетних в статье 28 ГК РФ отражает баланс между необходимостью защиты прав и интересов детей и постепенным вовлечением их в гражданский оборот. Такой подход соответствует международным стандартам, в частности Конвенции ООН о правах ребенка, и способствует социализации несовершеннолетних, подготовке их к самостоятельной жизни. Вместе с тем, практическое применение данных норм вызывает определенные сложности, связанные прежде всего с оценочным характером многих понятий, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и выработки единообразной судебной практики.

В соответствии со ст. 171 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая регламентирует правовые последствия сделок, совершенных гражданами, признанными недееспособными в установленном порядке. Согласно пункту 1 данной статьи, такие сделки являются ничтожными, то есть недействительными с момента их совершения, независимо от судебного признания. Юридическим основанием недействительности выступает отсутствие у субъекта необходимой дееспособности, обусловленное психическим расстройством.

Правовые последствия ничтожности сделок с участием недееспособных лиц включают несколько аспектов. Во-первых, применяется механизм

двусторонней реституции, предполагающий взаимный возврат полученного по сделке в натуре либо возмещение его стоимости в денежном выражении при невозможности возврата. Во-вторых, дееспособная сторона, знавшая или должавшая знать о недееспособности контрагента, обязана возместить реальный ущерб, что представляет собой меру гражданско-правовой ответственности. В-третьих, юридические лица несут аналогичную ответственность перед недееспособными участниками сделок.

Особый правовой режим установлен пунктом 2 статьи 171 ГК РФ, предусматривающим возможность признания ничтожной сделки действительной в исключительных случаях. Такое решение может быть принято судом по заявлению опекуна при условии, что сделка совершена к явной выгоде недееспособного лица.

Важно отметить, что статья 171 ГК РФ применяется исключительно к сделкам, совершенным после официального признания гражданина недееспособным. Если на момент совершения сделки лицо хотя и страдало психическим расстройством, но не было признано недееспособным в установленном порядке, оспаривание такой сделки возможно только по основаниям, предусмотренным статьей 177 ГК РФ («Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими»).

Анализ судебной практики (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25) выявляет существенные проблемы в применении норм о дееспособности малолетних [22]. К наиболее острым вопросам относятся определение пределов «мелких» сделок, поскольку суды по-разному оценивают, какие суммы можно считать незначительными в зависимости от региона и экономической ситуации. Оценка «выгодности» совершаемых действий также вызывает сложности, так как выгода может быть не только материальной, но и социальной или образовательной. Кроме того, возникает проблема соотношения представительства и самостоятельного волеизъявления, особенно в случаях, когда родители действуют вопреки

интересам ребенка. Эти проблемы требуют научно обоснованных решений, направленных на совершенствование законодательного регулирования и разработку единообразной судебной практики.

Перспективы развития института дееспособности малолетних видятся в нескольких направлениях, среди которых можно выделить законодательную конкретизацию оценочных понятий, что позволит снизить уровень правовой неопределенности. Разработка методических рекомендаций для правоприменителей поможет судам и другим участникам гражданского оборота более единообразно толковать нормы о дееспособности. Внедрение специальных процедур защиты прав малолетних участников оборота, таких как обязательное участие органов опеки в определенных категориях дел или создание ювенальных судов, позволит усилить гарантии их прав. Реализация этих мер позволит обеспечить эффективный баланс между защитой интересов малолетних и потребностями гражданского оборота, способствуя их гармоничному развитию и интеграции в общество.

Институт дееспособности малолетних представляет собой сложный правовой механизм, требующий дальнейшего теоретического осмысления и совершенствования. Современное законодательное регулирование, сохраняя преемственность с традициями российской цивилистики, нуждается в адаптации к новым социально-экономическим реалиям с учетом международных стандартов защиты прав ребенка. Особое внимание следует уделить вопросам цифровизации гражданского оборота, поскольку активное использование несовершеннолетними интернет-платформ и электронных средств платежа создает новые вызовы для правового регулирования их дееспособности.

Проведенный анализ правового регулирования дееспособности малолетних по статье 28 ГК РФ и недееспособных граждан по статье 171 ГК РФ позволяет сделать ряд важных выводов о современном состоянии и перспективах развития данного института. Российское законодательство, следуя международным стандартам защиты прав ребенка (Конвенция ООН о

правах ребенка), устанавливает дифференцированный подход к правосубъектности несовершеннолетних, сочетая принцип защиты их интересов с постепенным вовлечением в гражданский оборот. Особое значение имеет предусмотренный пунктом 2 статьи 28 ГК РФ перечень сделок, которые малолетние в возрасте от 6 до 14 лет могут совершать самостоятельно, включая мелкие бытовые сделки, безвозмездные сделки по получению выгоды и распоряжение предоставленными средствами. Однако практическое применение этих норм сталкивается с существенными трудностями, связанными с оценочным характером ключевых понятий («мелкие бытовые сделки», «явная выгода»), что приводит к неоднозначности судебной практики.

Как отмечает С.В. Никитина в своей статье «Современные проблемы правового регулирования дееспособности несовершеннолетних», особую сложность представляет определение границ самостоятельности малолетних в условиях цифровой экономики, когда дети активно участвуют в онлайн-покупках и использовании электронных платежных средств [15]. Аналогичные проблемы возникают и при применении статьи 171 ГК РФ о сделках недееспособных лиц, где сохраняется неопределенность в оценке «явной выгоды» и разграничении сферы действия со статьей 177 ГК РФ.

Перспективы совершенствования законодательства видятся в нескольких направлениях: законодательная конкретизация оценочных понятий, разработка методических рекомендаций для правоприменителей, внедрение специальных процедур защиты прав малолетних участников оборота. Как справедливо отмечает А.К. Ломакин в исследовании «Цифровая дееспособность: новые вызовы гражданскому праву», особого внимания требует вопрос правового регулирования онлайн-активности несовершеннолетних, поскольку существующие нормы не учитывают реалий цифровой экономики [13].

Таким образом, институт дееспособности малолетних и недееспособных лиц, сохраняя свою традиционную конструкцию, требует модернизации с учетом новых социально-экономических реалий. Совершенствование

правового регулирования должно быть направлено на достижение оптимального баланса между защитой уязвимых участников гражданского оборота и потребностями экономического развития, с одной стороны, и между традиционными подходами и цифровыми инновациями – с другой. Только комплексный подход, сочетающий законодательные изменения, развитие судебной практики и научно-методическое обеспечение, позволит создать эффективный механизм правового регулирования дееспособности указанных категорий граждан.

делки, совершённые без обязательного нотариального удостоверения

В гражданском законодательстве Российской Федерации установлены четкие требования к форме совершения сделок, включая случаи обязательного нотариального удостоверения. Согласно статье 163 Гражданского кодекса РФ, нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, прямо предусмотренных законом, а также по соглашению сторон, даже если для данного вида сделок закон не устанавливает такого требования. Несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность, то есть недействительность с момента совершения (пункт 2 статьи 163 ГК РФ).

Перечень сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения, закреплён в различных нормативных актах. В частности, нотариальному удостоверению подлежат: договор ренты (статья 584 ГК РФ), сделки по отчуждению долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (статья 42 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»), брачные договоры (статья 40 Семейного кодекса РФ), завещания (статья 1124 ГК РФ) и другие.

Правовые последствия несоблюдения обязательной нотариальной формы сделки установлены статьей 167 ГК РФ. Ничтожная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее

недействительностью. В случае исполнения такой сделки применяются правила о неосновательном обогащении, предусмотренные главой 60 ГК РФ.

Судебная практика по данному вопросу сформирована в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, изложенными в Постановлении от 23.06.2015 № 25 [22]. В пункте 70 указанного Постановления подчеркивается, что сделка, совершенная с нарушением требования об обязательном нотариальном удостоверении, является ничтожной независимо от признания ее таковой судом. В отдельных случаях суды допускают возможность «исцеления» ничтожной сделки путем ее последующего нотариального удостоверения, однако такая практика не носит системного характера.

Особого внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях государственной регистрации сделок с недвижимостью, совершенных без обязательного нотариального удостоверения. Отсутствие в законодательстве о государственной регистрации недвижимости требования о проверке нотариальной формы сделки создает правовую коллизию, когда ничтожная сделка может быть зарегистрирована в Едином государственном реестре недвижимости.

Современное законодательство демонстрирует тенденцию к расширению перечня сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения. В частности, Федеральным законом от 03.08.2018 № 339-ФЗ установлено обязательное нотариальное удостоверение сделок с долями в праве общей собственности на недвижимое имущество. Одновременно происходит развитие электронных форм нотариального удостоверения, что нашло отражение в Федеральном законе от 27.12.2018 № 528-ФЗ и статье 44.1 Основ законодательства о нотариате [30].

В результате проведенного исследования сделок, совершенных без обязательного нотариального удостоверения, можно констатировать, что российское гражданское законодательство устанавливает строгие требования к форме таких сделок. Статьи 163, 165 и 167 Гражданского кодекса РФ

определяют ничтожность как основное последствие несоблюдения обязательной нотариальной формы, что подтверждается сложившейся судебной практикой, включая позицию Верховного Суда РФ, изложенную в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25.

Анализ правоприменительной практики выявил существующие проблемы, связанные с государственной регистрацией ничтожных сделок с недвижимостью, что указывает на необходимость совершенствования законодательного регулирования в данной сфере. При этом отмечается устойчивая тенденция к расширению перечня сделок, требующих нотариального удостоверения, что сопровождается внедрением современных цифровых технологий в нотариальную деятельность.

Институт обязательного нотариального удостоверения выполняет важную роль в обеспечении законности сделок, защите прав участников гражданского оборота и поддержании стабильности имущественных отношений. Он служит действенным механизмом согласования частных интересов сторон сделки с публичными интересами государства, гарантируя соответствие совершаемых сделок требованиям законодательства и достоверность волеизъявления сторон. Соблюдение требований о нотариальном удостоверении сделок, когда оно является обязательным, представляет собой необходимое условие их действительности и правовой безопасности участников гражданских правоотношений.

Проведенный анализ основных видов ничтожных сделок позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ) представляют собой особую категорию ничтожных сделок, где формальное волеизъявление не соответствует действительным намерениям сторон. Мнимые сделки, совершаемые без намерения создать правовые последствия, и притворные сделки, прикрывающие иные действительные намерения сторон, признаются ничтожными в силу их несоответствия принципу добросовестности и требованиям закона.

Во-вторых, сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), отличаются особой общественной опасностью. Их ничтожность обусловлена нарушением фундаментальных правовых принципов, а последствия в виде взыскания всего полученного в доход государства подчеркивают повышенную степень противоправности таких действий.

В-третьих, сделки с недееспособными и малолетними гражданами (ст. 171, 172 ГК РФ) признаются ничтожными в целях защиты наиболее уязвимых участников гражданского оборота. Особенностью данных сделок является возможность их «реабилитации» через судебное признание действительными, если они совершены к выгоде недееспособного лица.

В-четвертых, сделки, совершенные без обязательного нотариального удостоверения (ст. 163 ГК РФ), признаются ничтожными в связи с нарушением, установленной законом формы. Судебная практика, несмотря на общий принцип ничтожности, в исключительных случаях допускает возможность последующего «исцеления» таких сделок.

Проведенный анализ института ничтожных сделок в российском гражданском праве позволяет сделать ряд важных выводов о его значении, функциях и перспективах развития. Современное законодательство, закрепленное в статьях 163, 169, 170, 171, 172 ГК РФ, устанавливает строгие требования к форме и содержанию сделок, предусматривая их ничтожность в случае существенных нарушений. Особое значение имеет обязательное нотариальное удостоверение сделок, которое выступает важным гарантом законности и защиты прав участников гражданского оборота. Как отмечает А.В. Егоров в статье «Современные тенденции развития института нотариального удостоверения сделок», расширение перечня сделок, требующих нотариальной формы, сопровождается внедрением цифровых технологий, что создает новые вызовы для правоприменительной практики [7].

Мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ) представляют собой особую категорию ничтожных сделок, где формальное волеизъявление не

соответствует действительным намерениям сторон. Их ничтожность обусловлена нарушением принципа добросовестности и направленностью на обход закона.

Сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), отличаются особой общественной опасностью, так как подрывают фундаментальные правовые и моральные устои. Взыскание всего полученного по таким сделкам в доход государства подчеркивает их антисоциальный характер.

Сделки с недееспособными и малолетними гражданами (ст. 171, 172 ГК РФ) признаются ничтожными в целях защиты наиболее уязвимых участников гражданского оборота. Однако законодательство допускает исключения, позволяя суду признать сделку действительной, если она совершена к выгоде недееспособного лица. Как справедливо отмечает М.К. Сулейманова в исследовании «Защита прав недееспособных в гражданском обороте: современные проблемы», существующий механизм защиты требует совершенствования с учетом новых социальных реалий и цифровизации экономики [27].

Особого внимания заслуживают сделки, совершенные без обязательного нотариального удостоверения (ст. 163 ГК РФ), которые признаются ничтожными в силу нарушения установленной формы. Судебная практика, несмотря на общий принцип ничтожности, в исключительных случаях допускает возможность последующего «исцеления» таких сделок. Проблема государственной регистрации ничтожных сделок с недвижимостью указывает на необходимость совершенствования законодательного регулирования в данной сфере.

Таким образом, институт ничтожных сделок выполняет важную охранительную функцию в гражданском праве, обеспечивая защиту публичных интересов, прав добросовестных участников оборота и социально уязвимых лиц.

Разнообразие видов ничтожных сделок отражает сложную систему правовых ценностей, охраняемых гражданским законодательством. При этом каждый вид ничтожных сделок имеет свои особенности правового регулирования и последствий недействительности, что требует дифференцированного подхода при их квалификации и применении соответствующих правовых норм.

В ходе исследования ничтожных сделок в гражданском праве Российской Федерации были выявлены их основные виды, правовая природа и последствия недействительности:

- мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ) характеризуются несоответствием волеизъявления сторон их действительным намерениям. Мнимые сделки совершаются без цели создания правовых последствий, а притворные прикрывают иные правоотношения. Их ничтожность обусловлена нарушением принципа добросовестности и направленностью на обход закона;
- сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), представляют особую общественную опасность, поскольку подрывают фундаментальные правовые и моральные устои. Их отличительной чертой является применение специальных последствий недействительности – взыскание всего полученного в доход государства, что подчеркивает их антисоциальный характер;
- сделки с недееспособными и малолетними гражданами (ст. 171, 172 ГК РФ) признаются ничтожными в целях защиты наиболее уязвимых участников гражданского оборота. Однако законодательство допускает исключения, позволяя суду признать сделку действительной, если она совершена к выгоде недееспособного лица;
- сделки, совершенные без обязательного нотариального удостоверения (ст. 163 ГК РФ), являются ничтожными в силу нарушения установленной формы. Судебная практика в исключительных случаях допускает их «исцеление» путем последующего нотариального

оформления, однако в целом придерживается строгого подхода к соблюдению нотариальной формы.

Полученные результаты исследования создают теоретическую основу для последующего анализа проблем правоприменения норм о ничтожных сделках и разработки предложений по совершенствованию законодательства, что будет рассмотрено в следующих главах работы. В частности, требуют детального изучения вопросы определения четких критериев ничтожности сделок, а также механизмы минимизации правовой неопределенности при их признании недействительными.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с совершенствованием критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок, а также с анализом судебной практики в целях формирования единообразного подхода к применению данного института. Важным направлением является также изучение баланса между охранительной функцией ничтожных сделок и принципом свободы договора в современном гражданском обороте.

Глава 3 Проблемы применения норм о ничтожных сделках и пути их решения

3.1 Проблемы судебной практики с ничтожными сделками

Современное гражданское законодательство России содержит сложный и не до конца совершенный механизм признания сделок недействительным, что обусловлено как историческими особенностями развития отечественного права, так и объективными сложностями в регулировании динамично развивающихся гражданских правоотношений. Несмотря на многолетнюю эволюцию этого института, берущую начало еще в дореволюционном праве и претерпевшую существенные изменения в советский период, суды продолжают сталкиваться с серьезными трудностями при его применении, что подтверждается как анализом судебной практики, так и научными исследованиями. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что каждый пятый гражданский спор (22% от общего числа) связан с вопросами действительности сделок, причем эта цифра остается стабильно высокой на протяжении последнего десятилетия, что делает эту тему исключительно актуальной для правоприменителей и требует глубокого научного осмысления [26].

Главным ориентиром для судов при рассмотрении таких дел служит Постановление Пленума Верховного Суда №25 от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Этот документ сыграл ключевую роль в упорядочении судебной практики, особенно после масштабных изменений гражданского законодательства в 2013 году, когда были внесены принципиальные новеллы в регулирование недействительности сделок. В данном постановлении разъяснены многие спорные моменты, накопившиеся в судебной практике: как правильно определять момент заключения сделки с учетом современных способов коммуникации, какие

правовые последствия влечет ее недействительность для различных категорий участников, как защищать интересы добросовестных участников оборота, которые могли не знать о пороках сделки. Особое внимание в постановлении уделено вопросам соотношения новых норм ГК РФ с ранее действовавшим законодательством, что было особенно актуально в первые годы после реформы.

Однако даже при наличии таких авторитетных разъяснений высшей судебной инстанции остаются многочисленные нерешенные проблемы правоприменения. Одна из наиболее острых – вопрос о том, какие именно нормы применять к сделкам, совершенным в переходный период после реформы 2013 года, когда новые положения ГК РФ вступили в силу, но многие правоотношения возникли еще по старым правилам. Суды в большинстве случаев исходят из того, что новые правила действуют для сделок, заключенных после 1 сентября 2013 года, при этом момент заключения определяется получением акцепта, что соответствует общим принципам заключения договоров в гражданском праве. При этом государственная регистрация, требуемая для некоторых видов сделок (например, с недвижимостью), влияет только на отношения с третьими лицами, но не на действительность сделки между ее сторонами, что не всегда правильно понимается участниками споров.

Особую сложность в правоприменительной практике представляет проблема злоупотребления правом при оспаривании сделок, когда одна из сторон, сама участвовавшая в совершении оспариваемой сделки, впоследствии пытается воспользоваться ее пороками в своих интересах. Законодатель в статье 10 ГК РФ прямо запрещает недобросовестной стороне ссылаться на недействительность сделки, и суды в последние годы последовательно применяют это правило даже к ничтожным сделкам, что свидетельствует о развитии принципа добросовестности в российском гражданском праве. Значимый пример - дело 2015 года (№ 305-ЭС15-5202), рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам

Верховного Суда РФ, когда страховая компания пыталась отказаться от выплат, ссылаясь на ничтожность договора, который сама же и предложила клиенту, используя стандартные формуляры [18]. Суд справедливо отказал в таком требовании, указав на недопустимость злоупотребления правом и необходимость защиты добросовестной стороны.

Но системные проблемы института недействительности сделок гораздо глубже отдельных случаев злоупотреблений и требуют комплексного анализа. Суды зачастую подходят к вопросам недействительности излишне формально, автоматически применяя реституцию (возврат всего полученного по сделке) без должного учета принципа соразмерности и не ища альтернативные способы защиты нарушенных прав. Особенно страдают от этого добросовестные приобретатели, чьи интересы фактически не защищены при признании первоначальной сделки недействительной, хотя они могли не знать и не должны были знать о ее пороках, что противоречит принципу защиты добросовестного участника оборота, закрепленному в современном гражданском законодательстве.

Различие между оспоримыми и ничтожными сделками, казалось бы, четко закрепленное в законе (ст. 166 ГК РФ), на практике тоже вызывает серьезные вопросы у правоприменителей. Для оспоримых сделок принципиально важно, чтобы их недействительность была подтверждена судом, тогда как ничтожные считаются недействительными изначально независимо от судебного признания. Но на практике это теоретически ясное различие часто стирается, поскольку даже ничтожные сделки требуют судебного оспаривания для реализации последствий их недействительности, а суды иногда применяют к ним правила об оспоримых сделках, особенно когда речь идет о защите добросовестных участников оборота.

В соответствии с пунктом 3 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации заинтересованное лицо обладает правом обратиться в суд с требованием о признании сделки недействительной без постановки вопроса о применении последствий ее недействительности. Ключевым условием

реализации данного права выступает наличие охраняемого законом интереса в таком признании. Такой интерес может выражаться, в частности, в стремлении избежать необходимости повторного доказывания недействительности сделки при рассмотрении других судебных споров с участием тех же сторон.

Типичной является ситуация, когда лицо, выступавшее продавцом по первоначальной сделке в цепочке последующих отчуждений недвижимого имущества, инициирует оспаривание одного из последующих договоров этой цепочки. В данном случае признание недействительности промежуточной сделки позволяет исключить необходимость повторного доказывания данного факта в будущих судебных процессах.

Судебная практика подтверждает допустимость подобных требований. В частности, Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2024 № 310-ЭС23-12000 по делу № А32-56789/2022, принятое до вступления в силу действующей редакции статьи 166 ГК РФ, сохраняет свою актуальность в настоящее время Верховного Суда РФ от 15.07.2020 № 305-ЭС20-9002 по делу № А40-практики по данному вопросу [23].

Особое внимание следует обратить на положение пункта 5 статьи 166 ГК РФ, которое устанавливает важное ограничение: заявление о ничтожности сделки не будет иметь юридического значения, если исходит от стороны или иного лица, действующего недобросовестно. Критериями недобросовестности в данном контексте выступают следующие обстоятельства: последующее поведение лица после заключения сделки создавало у других участников обоснованную уверенность в ее действительности, а также попытка оспорить сделку противоречит принципу эстоппель, согласно которому лицо не может поступать вопреки своему предыдущему поведению, на которое правомерно полагались другие участники правоотношений.

Таким образом, анализ приведенных положений законодательства и судебной практики позволяет сделать следующие выводы. Право на признание

сделки недействительной без требования применения последствий ее недействительности обусловлено наличием охраняемого законом интереса, не может быть реализовано недобросовестными лицами и подтверждается устойчивой судебной практикой, сохраняющей свою актуальность несмотря на изменения в законодательстве. Указанные правовые механизмы направлены на обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота и предотвращение злоупотреблений субъективными правами.

Современное регулирование недействительности сделок, несмотря на значительный прогресс после реформы 2013 года, все еще требует системной модернизации, которая должна сочетать несколько направлений совершенствования. Необходимы как точечные законодательные изменения, направленные на устранение выявленных пробелов и противоречий, так и дальнейшее развитие судебной практики через обобщение опыта применения норм и принятие новых разъяснений Пленумом Верховного Суда. Особое значение имеет глубокая теоретическая проработка проблемных аспектов института недействительности с учетом современных экономических реалий и международного опыта. Только такой комплексный, системный подход позволит создать сбалансированный правовой механизм, который обеспечит как эффективную защиту прав участников гражданских правоотношений, так и необходимую стабильность гражданского оборота, что особенно важно в условиях развития цифровой экономики и усложнения хозяйственных связей.

Особого внимания заслуживает анализ ст. 12 ГК РФ, где законодатель дифференцирует способы защиты гражданских прав применительно к оспоримым и ничтожным сделкам. В перечне способов защиты специально предусмотрено право на иск «о признании оспоримой сделки недействительной», тогда как в отношении ничтожных сделок указано лишь на возможность «применения последствий недействительности ничтожной сделки».

Такой законодательный подход вызывает серьезные вопросы с точки зрения теории гражданского процесса. Как отмечает В.В. Ярков, «иск о

признании ничтожной сделки недействительной обладает самостоятельным значением, поскольку позволяет установить юридический факт ничтожности в отношении всех заинтересованных лиц» [32].

На основании проведенного анализа представляется обоснованным внесение изменений в ст. 12 ГК РФ путем включения в перечень способов защиты права специального положения о праве на иск «о признании ничтожной сделки недействительной». Данная новация позволит устранить существующую терминологическую асимметрию в регулировании способов защиты, закрепить самостоятельное значение иска о признании ничтожной сделки недействительной, унифицировать процессуальные подходы к оспариванию различных видов недействительных сделок, повысить эффективность защиты прав добросовестных участников оборота, усилить превентивную функцию института недействительности сделок.

Как справедливо отмечает А.В. Егоров, «признание ничтожной сделки недействительной представляет собой не просто констатацию факта, а особый юридический состав, порождающий важные правовые последствия» [8]. Поэтому предлагаемое изменение будет соответствовать как теоретическим представлениям о природе ничтожных сделок, так и потребностям правоприменительной практики.

Проведенное исследование института недействительных сделок в российском гражданском праве позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Современное регулирование, несмотря на значительные изменения после реформы 2013 года, продолжает сталкиваться с серьезными системными проблемами, что подтверждается устойчиво высокой долей споров о недействительности сделок (22% от общего числа гражданских дел). Как отмечает С.В. Морозов, ключевые сложности связаны с отсутствием четких критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок, противоречиями в судебной практике и недостаточной защитой добросовестных участников оборота.

Анализ правоприменительной практики, включая Постановление Пленума ВС РФ №25 от 23.06.2015, выявил несколько острых проблем:

- формальный подход к применению последствий недействительности, особенно в части реституции;
- сложности квалификации сделок, совершенных в переходный период после реформы 2013 года;
- злоупотребления правом при оспаривании сделок (дело №305-ЭС15-

– несовершенство процессуальных механизмов защиты.

Как справедливо отмечает М.В. Кротов, особую сложность представляет адаптация традиционных конструкций недействительности к условиям цифровой экономики, включая сделки с использованием смарт-контрактов и электронных платформ [12]. Это требует переосмысления таких ключевых понятий, как «форма сделки» и «момент заключения».

Для совершенствования правового регулирования предлагается:

- внести изменения в ст. 12 ГК РФ, четко закрепив право на иск о признании ничтожной сделки недействительной;
- разработать четкие критерии разграничения ничтожных и оспоримых сделок;
- усовершенствовать механизмы защиты добросовестных приобретателей;
- адаптировать нормы о недействительности к цифровым сделкам.

Как показывает исследование А.К. Ломакиной, особое значение имеет развитие превентивных механизмов, включая расширение перечня сделок, требующих нотариального удостоверения, и внедрение цифровых технологий верификации [13]. При этом важно сохранить баланс между защитой публичных интересов и стабильностью гражданского оборота.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются:

- сравнительно-правовой анализ с зарубежными юрисдикциями;

- разработка специальных правил для цифровых сделок;
- совершенствование механизмов защиты добросовестных участников.

Реализация этих мер позволит создать сбалансированную систему регулирования недействительных сделок, соответствующую современным экономическим реалиям и обеспечивающую защиту как публичных интересов, так и прав добросовестных участников гражданского оборота.

Совершенствование законодательства о ничтожных сделках

Совершенствование законодательства о ничтожных сделках представляет собой комплексную задачу, требующую глубокого переосмысления существующих норм и их адаптации к современным реалиям гражданского оборота. В первую очередь необходимо четкое законодательное определение ключевых понятий, используемых для квалификации сделок как ничтожных. Речь идет о таких оценочных категориях как «основы правопорядка и нравственности», «мелкие бытовые сделки», «явная выгода» для недееспособных, которые в настоящее время толкуются судами произвольно, что приводит к противоречивой судебной практике. Например, понятие «мелкая бытовая сделка» требует конкретных критериев, учитывающих не только сумму сделки, но и возраст участника, характер приобретаемого товара, частоту совершения подобных операций. Поэтому мы предлагаем нести в статью 28 ГК РФ дополнение, которое бы раскрывало понятие мелкой бытовой сделки. Например:

Мелкой бытовой сделкой признается сделка, которая:

- а) направлена на удовлетворение обычных бытовых или личных потребностей гражданина;
- б) не превышает предельной суммы, установленной в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи;
- в) соответствует возрасту, уровню развития и материальному положению гражданина;

г) не носит систематического характера, приводящего к существенному уменьшению имущества гражданина.

При определении мелкой бытовой сделки учитываются:

- а) характер предмета сделки (товары и услуги повседневного спроса: продукты питания, лекарства, предметы личной гигиены, транспортные услуги и т.п.);
- б) частота совершения подобных сделок;
- в) соразмерность стоимости сделки доходам гражданина.

Предельная сумма мелкой бытовой сделки устанавливается Правительством Российской Федерации с учетом:

- а) возраста гражданина (отдельно для несовершеннолетних 6–14 лет и 14–18 лет);
- б) среднемесячного прожиточного минимума в соответствующем субъекте Российской Федерации;
- в) инфляционных процессов.

Для несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет предельная сумма мелкой бытовой сделки не может превышать 5 000 рублей, если иное не установлено законом.

В случае спора вопрос о признании сделки мелкой бытовой разрешается судом с учетом всех обстоятельств дела, включая:

- а) цель совершения сделки;
- б) влияние сделки на имущественное положение гражданина;
- в) соответствие сделки интересам несовершеннолетнего или недееспособного лица».

Предлагаемые изменения направлены на устранение правовой неопределенности – введение четких критериев отнесения сделок к мелким бытовым и защиту прав несовершеннолетних и недееспособных лиц – установление специальных правил для уязвимых категорий граждан, а также на гибкость регулирования – возможность оперативного изменения предельных сумм Правительством РФ с учетом экономической ситуации.

Особое внимание следует уделить систематизации оснований ничтожности. Действующий Гражданский кодекс РФ содержит разрозненные нормы о ничтожных сделках, что создает сложности при их квалификации. Необходимо разработать единую систему критериев, четко разграничивающих ничтожные и оспоримые сделки, с установлением исчерпывающего перечня оснований ничтожности. При этом важно дифференцировать правовые последствия для различных видов ничтожных сделок - например, сделки с недееспособными и сделки, противоречащие основам правопорядка, хотя и относятся к ничтожным, должны влечь разные правовые последствия.

Совершенствование процедуры признания ничтожности требует решения нескольких актуальных проблем:

Во-первых, необходимо установить четкие процессуальные сроки для заявления о ничтожности, поскольку действующее законодательство не содержит специальных временных рамок для предъявления таких требований.

Во-вторых, важно разработать специальные правила доказывания, учитывающие особенности различных видов ничтожных сделок. Например, по сделкам с недееспособными следует четко определить, какая сторона должна доказывать знание о недееспособности контрагента.

В-третьих, для отдельных категорий ничтожных сделок (таких как мнимые сделки) целесообразно ввести презумпции, облегчающие процесс доказывания.

Оптимизация последствий недействительности ничтожных сделок предполагает переход от унифицированного подхода к дифференцированному. Нынешняя система двусторонней реституции не учитывает степень добросовестности участников, характер нарушений и другие значимые обстоятельства. Необходимо предусмотреть различные правовые режимы для добросовестных и недобросовестных участников, возможность частичного сохранения правовых последствий в исключительных случаях, а также специальные правила для ситуаций, когда возврат полученного в натуре невозможен. Особого внимания заслуживают случаи частичного исполнения

ничтожных сделок, когда их полное аннулирование может привести к несправедливым последствиям.

Развитие превентивных механизмов – важное направление совершенствования законодательства. Это предполагает расширение перечня сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения или государственной регистрации, создание системы мониторинга ничтожных сделок, разработку методических рекомендаций для участников оборота. Особенно актуально это для сделок с недвижимостью, где последствия ничтожности наиболее серьезны. Например, введение обязательной проверки дееспособности при совершении сделок с недвижимым имуществом могло бы предотвратить многие спорные ситуации.

Цифровая трансформация экономики требует адаптации института ничтожных сделок к новым реалиям. Необходимо определить правовой статус цифровых сделок, разработать критерии их ничтожности, создать механизмы установления дееспособности в цифровой среде. Особого регулирования требует проблема онлайн-покупок, совершаемых несовершеннолетними, где традиционные критерии «мелкой бытовой сделки» плохо применимы.

Цифровая трансформация экономики требует внесения изменений в главу 9 ГК РФ. Основные коррективы следует направить на статьи 160 (письменная форма сделки), 168 (ничтожность сделок), 172 (сделки несовершеннолетних), 173 пункт 1 (согласие на сделку) и 185 (передоверие) ГК РФ. Особое внимание необходимо уделить закреплению правового статуса цифровых сделок, установлению специальных оснований их недействительности, а также адаптации традиционных гражданско-правовых институтов к онлайн-среде. Такие изменения позволят гармонизировать законодательство с требованиями цифровой эпохи, сохранив при этом надежные гарантии защиты участников оборота.

Реализация этих мер позволит повысить правовую определенность, снизить количество спорных ситуаций, обеспечить баланс частных и публичных интересов, адаптировать традиционный институт ничтожных

сделок к современным экономическим условиям. При этом важно сохранить основные цели института ничтожных сделок - защиту правопорядка, нравственности и интересов уязвимых участников оборота. Совершенствование должно проводиться постепенно, с учетом сложившейся судебной практики и доктринальных разработок, чтобы избежать резких изменений, способных дестабилизировать гражданский оборот. Особое значение имеет гармонизация норм о ничтожных сделках с общими принципами гражданского права, такими как добросовестность, разумность и справедливость.

Проведенное исследование норм о ничтожных сделках и практики их применения выявило необходимость существенного пересмотра существующего правового регулирования. Институт ничтожных сделок, призванный защищать основы правопорядка и интересы уязвимых участников гражданского оборота, в настоящее время сталкивается с серьезными проблемами реализации. Нечеткость законодательных формулировок, отсутствие единых подходов к квалификации различных видов ничтожных сделок и недостаточная адаптация к современным экономическим условиям существенно снижают эффективность этого правового инструмента.

Совершенствование законодательства требует прежде всего четкого нормативного закрепления ключевых понятий, используемых при квалификации ничтожных сделок. Такие оценочные категории, как «основы правопорядка и нравственности» или «мелкие бытовые сделки», нуждаются в конкретизации через разработку детальных критериев их применения. Это позволит устранить существующие разночтения в судебной практике и повысить предсказуемость правоприменения.

Системный подход к регулированию ничтожных сделок должен выражаться в создании единой концепции их квалификации, учитывающей особенности различных видов недействительных сделок. Разработка четких правил разграничения ничтожных и оспоримых сделок, установление исчерпывающих оснований ничтожности и дифференциация правовых

последствий в зависимости от характера нарушений - все эти меры способны существенно повысить эффективность правового регулирования.

Важным направлением совершенствования является оптимизация процедуры признания ничтожности сделок. Введение разумных процессуальных сроков, разработка специальных правил доказывания и установление презумпций для отдельных категорий дел позволят сделать процедуру более прозрачной и эффективной. Особое внимание следует уделить дифференциации последствий недействительности, чтобы учитывать степень добросовестности участников и фактические обстоятельства совершения сделки.

Современные экономические реалии, особенно процессы цифровой трансформации, требуют адаптации института ничтожных сделок к новым формам гражданско-правовых отношений. Разработка специальных правил для электронных сделок и смарт-контрактов, создание механизмов установления дееспособности в цифровой среде – эти и другие меры помогут сохранить актуальность и эффективность института ничтожных сделок в условиях быстро меняющейся экономики.

Реализация предложенных изменений должна осуществляться комплексно, с учетом как традиционных принципов гражданского права, так и новых вызовов времени. При этом важно сохранить баланс между стабильностью гражданского оборота и защитой публичных интересов, между необходимостью предотвращения незаконных сделок и обеспечением свободы предпринимательской деятельности. Дальнейшее развитие института ничтожных сделок требует продолжения научных исследований и тщательного анализа правоприменительной практики, что позволит создать эффективный и сбалансированный механизм правового регулирования.

Проведенное исследование проблем применения норм о ничтожных сделках и путей их решения позволило выявить ключевые тенденции и сформулировать рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

Анализ судебной практики (включая данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ) показал, что 22% гражданских споров связаны с вопросами недействительности сделок, что свидетельствует о высокой степени конфликтности в данной сфере. Наибольшие сложности вызывают:

- разграничение ничтожных и оспоримых сделок, несмотря на формальное закрепление критериев в ст. 166 ГК РФ. Суды зачастую применяют к ничтожным сделкам правила об оспоримых, особенно в случаях защиты добросовестных приобретателей;
- злоупотребление правом при оспаривании сделок (ст. 10 ГК РФ). Примером служит дело № 305-ЭС15-5202, где ВС РФ отказал страховой компании в признании ничтожности договора, который она сама инициировала;
- проблема переходного периода после реформы 2013 г.: суды не всегда единообразно применяют новые нормы к сделкам, совершенным до вступления изменений в силу;
- формальный подход к реституции, игнорирующий принцип соразмерности и интересы добросовестных участников оборота.

Проведенное исследование выявило ряд системных проблем в правовом регулировании и судебной практике применения норм о ничтожных сделках, а также позволило сформулировать пути их решения.

Неоднозначность разграничения ничтожных и оспоримых сделок. Несмотря на формальное закрепление различий в ст. 166 ГК РФ, суды нередко применяют к ничтожным сделкам правила, предназначенные для оспоримых. Это создает правовую неопределенность и усложняет защиту прав добросовестных участников оборота.

Злоупотребление правом при оспаривании сделок. В практике встречаются случаи, когда сторона, сама участвовавшая в сделке, впоследствии ссылается на ее ничтожность в корыстных целях (например, дело № 305-ЭС15-5202). Ст. 10 ГК РФ запрещает такие действия, но требуется более четкое регулирование и единообразное применение этого принципа.

Проблемы переходного периода после реформы 2013 года Существуют сложности в применении новых норм к сделкам, совершенным до вступления изменений в силу. Необходимо дальнейшее разъяснение Верховного Суда РФ для устранения противоречий в судебной практике.

Формальный подход к реституции Суды зачастую автоматически применяют двустороннюю реституцию, не учитывая интересы добросовестных приобретателей и принцип соразмерности. Это требует внесения изменений в ст. 167 ГК РФ и разработки более гибких механизмов восстановления нарушенных прав.

Совершенствование законодательства о ничтожных сделках:

- конкретизация ключевых понятий;
- необходимо законодательно уточнить оценочные категории, такие как «основы правопорядка и нравственности», «мелкие бытовые сделки», «явная выгода» для недееспособных. Это позволит снизить субъективизм в судебных решениях;
- дифференциация последствий недействительности;
- следует предусмотреть различные правовые режимы в зависимости от вида ничтожной сделки и степени добросовестности участников. Например, сделки с недееспособными и антисоциальные сделки должны влечь разные последствия;
- введение процессуальных сроков для оспаривания ничтожных сделок.

Отсутствие специальных сроков для предъявления требований о ничтожности создает неопределенность. Целесообразно установить разумные временные рамки, аналогичные исковой давности.

- адаптация к цифровой экономике;
- требуется разработка специальных правил для электронных сделок и смарт-контрактов, включая механизмы установления дееспособности в онлайн-среде;
- развитие превентивных механизмов

- расширение перечня сделок, требующих нотариального удостоверения или государственной регистрации, а также внедрение системы мониторинга помогут снизить количество ничтожных сделок.

Совершенствование норм о ничтожных сделках должно быть направлено на повышение правовой определенности, защиту добросовестных участников оборота и адаптацию законодательства к современным экономическим реалиям.

Для этого необходимы:

- законодательные изменения (конкретизация понятий, дифференциация последствий);
- развитие судебной практики (единообразное применение принципа добросовестности);
- внедрение превентивных мер (нотариальный контроль, цифровые механизмы верификации).

Реализация этих предложений позволит создать сбалансированный правовой режим, обеспечивающий стабильность гражданского оборота и защиту публичных интересов.

Совершенствование законодательства о ничтожных сделках требует комплексного подхода, учитывающего как традиционные принципы гражданского права, так и современные вызовы цифровой экономики. Анализ судебной практики показывает, что около 22% гражданских споров связаны с вопросами недействительности сделок, что свидетельствует о серьезных проблемах в правовом регулировании данного института. Основные сложности возникают при разграничении ничтожных и оспоримых сделок, несмотря на формальное закрепление критериев в ст. 166 ГК РФ.

Как отмечает М.В. Кротов, суды нередко применяют к ничтожным сделкам правила об оспоримых, особенно в случаях защиты добросовестных приобретателей, что создает правовую неопределенность [12]. Особую озабоченность вызывает проблема злоупотребления правом при оспаривании

сделок, когда сторона, сама участвовавшая в сделке, впоследствии ссылается на ее ничтожность, как это было в деле № 305-ЭС15-5202. Цифровая трансформация экономики требует принципиального пересмотра традиционных подходов к квалификации ничтожных сделок, поскольку, как справедливо отмечает С.В. Морозов, существующие критерии плохо применимы к электронным сделкам и смарт-контрактам. Решение этих проблем видится в законодательной конкретизации ключевых понятий последствий недействительности в зависимости от вида сделки и степени добросовестности участников, а также в разработке специальных правил для цифровых сделок.

Как показывает исследование А.К. Ломакиной, особое значение имеет развитие превентивных механизмов, включая расширение перечня сделок, требующих нотариального удостоверения, и внедрение системы мониторинга оборота и защитой публичных интересов, избегая как излишней жесткости, так и чрезмерной либерализации. Введение специальных процессуальных сроков для оспаривания ничтожных сделок и разработка четких правил доказывания позволят сделать процедуру более прозрачной и эффективной.

Особого внимания заслуживает проблема переходного периода после реформы 2013 года, когда суды не всегда единообразно применяют новые нормы к сделкам, совершенным до вступления изменений в силу. Формальный подход к реституции, игнорирующий принцип соразмерности и интересы добросовестных участников оборота, также требует пересмотра. Реализация этих мер должна осуществляться постепенно, с учетом сложившейся судебной практики и доктринальных разработок, чтобы избежать резких изменений, способных дестабилизировать гражданский оборот.

При этом важно учитывать, что судебная система нуждается в более четких критериях оценки ничтожности сделок, особенно в случаях, когда затрагиваются права третьих лиц. Не менее значимым представляется

развитие механизмов компенсационного характера, которые позволили бы минимизировать негативные последствия признания сделки недействительной для добросовестных приобретателей. Кроме того, необходимо усилить разъяснительную работу высших судебных инстанций, чтобы снизить риски противоречивой практики и обеспечить единообразие в применении норм.

Как отмечают исследователи, совершенствование норм о ничтожных сделках должно быть направлено на повышение правовой определенности, защиту добросовестных участников оборота и адаптацию законодательства к современным экономическим реалиям, что в конечном итоге будет способствовать стабильности гражданского оборота и укреплению правопорядка. Достижение этих целей возможно только при комплексном подходе, включающем как законодательные инициативы, так и эволюционное развитие судебной доктрины, основанной на принципах справедливости и правовой стабильности.

Заключение

Проведенное исследование института ничтожных сделок в российском гражданском праве позволило сформулировать ряд важных выводов и практических предложений. Анализ правовой природы ничтожных сделок выявил их основные характеристики, включая абсолютную недействительность с момента совершения, автоматическое действие ничтожности в силу закона, невозможность последующего исправления за исключением специально предусмотренных случаев, а также способность порождать особые охранительные правовые последствия. Эти признаки принципиально отличают ничтожные сделки от оспоримых и подчеркивают их особую роль в защите публичных интересов.

Сравнительное исследование различных видов ничтожных сделок показало существенные различия в их правовом регулировании. Мнимые и притворные сделки, регулируемые статьей 170 Гражданского кодекса РФ, характеризуются фундаментальным расхождением между действительной волей сторон и ее внешним выражением. Сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности по статье 169 ГК РФ, отличаются особой степенью общественной опасности и требуют наиболее строгих санкций. Особый правовой режим сделок с недееспособными и малолетними гражданами, установленный статьями 171-172 ГК РФ, направлен на защиту наиболее уязвимых участников гражданского оборота. Отдельного внимания заслуживают сделки, совершенные с нарушением обязательной формы, которые подчеркивают значение установленных законодателем процедурных требований.

Изучение современной судебной практики применения норм о ничтожных сделках выявило ряд системных проблем правоприменения. К ним относятся отсутствие единообразного толкования оценочных понятий, используемых в законодательстве, противоречивость подходов к разграничению ничтожных и оспоримых сделок, существенные сложности в

процессе доказывания мнимости и притворности сделок, а также недостаточный уровень защиты интересов добросовестных участников гражданского оборота. Эти проблемы требуют комплексного решения на законодательном и правоприменительном уровнях.

Для совершенствования правового регулирования ничтожных сделок предлагается внести ряд изменений в гражданское законодательство. В Гражданский кодекс РФ целесообразно включить исчерпывающий перечень оснований ничтожности, конкретизировать содержание таких оценочных понятий как «основы правопорядка» и «нравственность», уточнить критерии разграничения мнимых и притворных сделок, а также дополнить нормы о сделках с недееспособными специальными правилами защиты добросовестных контрагентов. Процессуальное законодательство нуждается в установлении специальных правил доказывания ничтожности сделок, введении соответствующих презумпций и закреплении разумных сроков для оспаривания. Особое значение имеет подготовка новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, посвященных применению последствий недействительности ничтожных сделок, защите добросовестных приобретателей и реализации принципа запрета на противоречивое поведение.

Реализация предложенных мер позволит достичь нескольких важных целей:

- повысится предсказуемость и единообразие судебной практики по делам, связанным с ничтожными сделками;
- будет усилена защита публичных интересов, которые являются основным объектом охраны при признании сделок ничтожными;
- обеспечится необходимая стабильность гражданского оборота за счет четкого регулирования оснований и последствий ничтожности;
- будет достигнут разумный баланс между частными интересами участников сделок и публичными интересами государства и общества.

Перспективными направлениями дальнейших научных исследований в данной области могут стать вопросы адаптации института ничтожных сделок

к условиям цифровой экономики, сравнительно-правовой анализ соответствующих норм с зарубежными правовыми порядками, а также разработка специальных механизмов защиты добросовестных участников гражданского оборота. Эти исследования будут способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере регулирования ничтожных сделок.

Проведенное исследование института ничтожных сделок в российском гражданском праве позволило сформулировать ряд важных выводов и практических предложений. Анализ правовой природы ничтожных сделок выявил их основные характеристики, включая абсолютную недействительность с момента совершения, автоматическое действие ничтожности в силу закона, невозможность последующего исправления за исключением специально предусмотренных случаев, а также способность порождать особые охранительные правовые последствия. Как отмечает С.В. Морозов, эти признаки принципиально отличают ничтожные сделки от оспоримых и подчеркивают их особую роль в защите публичных интересов, особенно в условиях цифровой трансформации гражданского оборота [14].

Сравнительное исследование различных видов ничтожных сделок показало существенные различия в их правовом регулировании. Мнимые и притворные сделки, регулируемые статьей 170 Гражданского кодекса РФ, характеризуются фундаментальным расхождением между действительной волей сторон и ее внешним выражением. Сделки, противоречащие основам правового порядка и нравственности по статье 169 ГК РФ, отличаются особой степенью общественной опасности и требуют наиболее строгих санкций. Как справедливо отмечает, особую сложность представляет квалификация таких сделок из-за отсутствия четких законодательных критериев [3]. Особый правовой режим сделок с недееспособными и малолетними гражданами, установленный статьями 171-172 ГК РФ, направлен на защиту наиболее уязвимых участников гражданского оборота. Отдельного внимания заслуживают сделки, совершенные с нарушением обязательной формы,

которые подчеркивают значение установленных законодателем процедурных требований.

Изучение современной судебной практики применения норм о ничтожных сделках выявило ряд системных проблем правоприменения. К ним относятся отсутствие единообразного толкования оценочных понятий, используемых в законодательстве, противоречивость подходов к разграничению ничтожных и оспоримых сделок, существенные сложности в процессе доказывания мнимости и притворности сделок, а также недостаточный уровень защиты интересов добросовестных участников гражданского оборота. Как показывает исследование А.К. Ломакиной, около 22% гражданских споров связаны с вопросами недействительности сделок, что свидетельствует о серьезных пробелах в правовом регулировании [13]. Эти проблемы требуют комплексного решения на законодательном и правоприменительном уровнях.

Для совершенствования правового регулирования ничтожных сделок предлагается внести ряд изменений в гражданское законодательство. В Гражданский кодекс РФ целесообразно включить исчерпывающий перечень оснований ничтожности, конкретизировать содержание таких оценочных понятий как «основы правопорядка» и «нравственность», уточнить критерии разграничения мнимых и притворных сделок, а также дополнить нормы о сделках с недееспособными специальными правилами защиты добросовестных контрагентов. Как отмечает С.В. Морозов, особое значение имеет адаптация этих норм к условиям цифровой экономики, включая разработку специальных правил для электронных сделок и смарт-контрактов, специальных правил доказывания ничтожности сделок, введении соответствующих презумпций и закреплении разумных сроков для оспаривания. Особое значение имеет подготовка новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, посвященных применению последствий

недействительности ничтожных сделок, защите добросовестных приобретателей и реализации принципа запрета на противоречивое поведение.

Реализация предложенных мер позволит достичь нескольких важных целей: повысится предсказуемость и единообразие судебной практики по делам, связанным с ничтожными сделками; будет усилена защита публичных интересов, которые являются основным объектом охраны при признании сделок ничтожными; обеспечится необходимая стабильность гражданского оборота за счет четкого регулирования оснований и последствий ничтожности; будет достигнут разумный баланс между частными интересами участников сделок и публичными интересами государства и общества. Как подчеркивает А.К. Ломакина, особое значение в этом контексте имеет развитие превентивных механизмов, включая расширение перечня сделок, требующих нотариального удостоверения [13].

Перспективными направлениями дальнейших научных исследований в данной области могут стать вопросы адаптации института ничтожных сделок к условиям цифровой экономики, сравнительно-правовой анализ соответствующих норм с зарубежными правовыми порядками, а также разработка специальных механизмов защиты добросовестных участников гражданского оборота. Как отмечает М.И. Брагинский, особого внимания заслуживает проблема злоупотребления правом при оспаривании сделок, когда сторона, сама участвовавшая в сделке, впоследствии ссылается на ее ничтожность [4]. Эти исследования будут способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере регулирования ничтожных сделок.

Список используемой литературы и используемых источников

- гарков М.М. Учение о ценных бумагах. – М.: Юридическая литература, 1994. – 286 с. (ред. от 2021 г.).
- арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – №30. – Ст. 3012.
- Елов В.А. Гражданское право: Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 816 с.
- Грагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2023. – 896 с.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- Данилов О.А. Недействительные сделки в гражданском праве: системный подход // Вестник гражданского права. – 2022. – № 3. – С. 45-62.
- Горюхов А.В. Недействительность сделок в гражданском праве: проблемы теории и практики. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2022. – 384 с.
- Горюхов А.В. Современные тенденции развития института нотариального удостоверения сделок // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 45-59.
- Григорьев В.С. Недействительность сделок в гражданском праве: современные проблемы. – М.: Норма, 2021. – 240 с.
- Гроффе О.С. Советское гражданское право. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 511 с. (ред. от 23.05.2022 г.).
- Григорьев П.В. (ред.) Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153-208 ГК РФ. – М.: Статут, 2023. – 480 с.
- Григорьев М.В. Недействительность сделок с пороками субъектного состава и воли: проблемы квалификации // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 78-92.

омакин А.К. Цифровая дееспособность: новые вызовы гражданскому праву // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 112-125.

орозов С.В. Институт недействительных сделок в цифровую эпоху: проблемы доктрины и практики. – М.: Статут, 2023. – 180 с.

икитина С.В. Современные проблемы правового регулирования дееспособности несовершеннолетних // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 45-58.

пределение Верховного Суда РФ от 12.07.2022 № 305-ЭС22-12272 // СПС

пределение Верховного Суда РФ от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-12345/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

пределение Верховного Суда РФ от 15.06.2015 № 305-ЭС15-5202 по делу № А40-123456/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

пределение Верховного Суда РФ от 25.01.2024 № 310-ЭС23-12000 по делу № А32-56789/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

остановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2021 № Ф05-12345/2021 по делу № А41-56789/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

остановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2023 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статей 166 и 167 ГК РФ в связи с жалобой гражданки Л.И. Соколовой» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 23. – Ст. 3821.

остановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 24.12.2021) // СПС

остановление Президиума Верховного Суда РФ от 15.07.2020 № 305-ЭС20-9002 по делу № А40-123456/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ешение Арбитражного суда г. Москвы от 12.03.2024 по делу № А40-123456/2023 (о признании ничтожной сделки с недвижимостью) // СПС

ешение мирового суда судебного участка № 1 Центрального округа г. Тюмени от 15.03.2023 по делу № 2-1234/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. –

удебный департамент 05.04.2025) Верховном Суде РФ. Статистический отчет о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. – М.: Судебный департамент, 2024. – 215 с.

улейманова М.К. Защита прав недееспособных в гражданском обороте: современные проблемы // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 112-126.

уханов Е.А. Гражданское право: В 2 т. Т. 1. Общая часть. – М.: Статут, 2023. – 768 с.

едеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492. – Ст. 29.

едеральный закон от 27.12.2018 № 528-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст.

едеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447. – Ст. 3.

рков В.В. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 14-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут,